

84(3)
P52

Джамми Родари

ДЖЕЛЬСОМИНО

в
Стране
лжецов

564143

СОБДИМ
Филиал

Джанни Родари

ДЖЕЛЬСОМИНО

в Стране лжецов

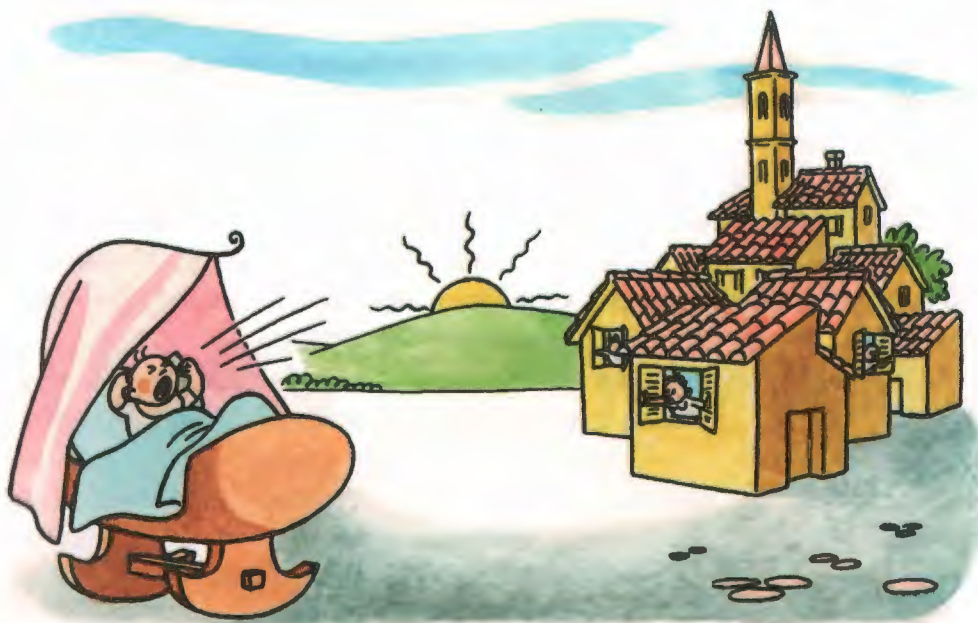
Перевод Александра Махова
Иллюстрации Рауля Вердини

#эксмодетство

Москва
2018

*ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ДОЧКЕ ПАОЛЕ
и всем другим девочкам и мальчикам*

ГЛАВА 1

**СТОИТ ДЖЕЛЬСОМИНО РАСКРЫТЬ РОТ,
КАК МЯЧ ВЛЕТАЕТ В СЕТКУ ВОРОТ.**

Эта история про Джельсомино, рассказанная им самим. Пока я дослушал его историю до конца, то чуть было не оглох, хотя и набил себе в уши полкило ваты. Причина в том, что у Джельсомино слишком громкий голос. Даже когда он говорит, если можно так выразиться, «вполголоса», его слышат пассажиры реактивных самолётов, летящих на высоте десяти тысяч метров над уровнем моря и головы самого Джельсомино.

Сейчас Джельсомино стал знаменитым тенором. Он известен повсюду — от Северного полюса до Южного. Став артистом, он придумал себе новое звучное и, пожалуй, несколько помпезное имя, которое я не буду здесь

называть, потому что вы уже, наверное, сотни раз читали его в газетах. В детстве мальчика звали Джельсомино — Жасмин, и под этим именем он останется в нашей повести.

Так вот, жил да был обыкновенный мальчик, быть может, даже поменьше ростом, чем другие мальчишки, но голос у него был на редкость оглушительный, что выяснилось, едва он успел раскрыть рот.

Когда Джельсомино родился — а произошло это глубокой ночью, — все односельчане вскочили с постелей, решив, что надрывается фабричный гудок, зовущий их на работу. На самом же деле это плакал Джельсомино, пробуя свой голос, как и все только что появившиеся на свет малыши. К счастью, скоро он научился спать с вечера до утра, как это делают все порядочные люди, кроме журналистов и ночных сторожей. Теперь он начинал свой плач ровно в семь утра — как раз в то время, когда людям нужно было проснуться, чтобы идти на работу. Фабричные гудки оказались ненужными и скоро заржавели от бездействия.

С шести лет Джельсомино пошёл в школу. Во время переключки учитель дошёл до буквы Д и вызвал его:

— Джельсомино!

— Здесь! — ответил радостно новый ученик.

И вдруг раздался грохот — посыпались осколки, классная грифельная доска разлетелась на тысячу мелких кусочков.

— Кто из вас запустил камнем в доску? — строго спросил учитель, протягивая руку за линейкой.

Все молчали.

— Тогда начнём переключку сначала, — сказал учитель.

Он начал вновь с буквы А, спрашивая по порядку каждого ученика:

— Это ты бросил камень?

— Не я, не я, — отвечали испуганные мальчики.

Когда учитель дошёл до Джельсомино, тот тоже встал и вполне искренне ответил:

— Это не я, синьор у...

Но он не успел произнести слово «учитель», как в ту же минуту оконные стёкла с громким звоном посыпались на пол.

На этот раз учитель внимательно следил за классом и видел, что ни один из его сорока учеников не стрелял из рогатки. «Наверное, окно разбил кто-нибудь с улицы, — подумал учитель, — один из тех шалунов, которые, вместо того чтобы ходить в школу, разоряют птичьи гнёзда. Поймаю-ка его, да и за ухо отведу в полицию».

В то утро на этом всё и кончилось. На следующий день учитель снова взялся за переключку и опять дошёл до имени Джельсомино.

— Здесь! — ответил наш герой, гордясь тем, что стал школьником.

«Трах-тарарах!» — сразу же откликнулось окно. Стёкла, вставленные всего полчаса назад, посыпались на мостовую.

— Странное дело, — сказал учитель, — несчастья случаются всякий раз, когда я дохожу до твоего имени. А, всё понятно! У тебя, мой мальчик, слишком громкий голос, и от него воздух сотрясается, как во время циклона. С сегодняшнего дня ты должен говорить только вполголоса, а иначе школа и всё наше селение превратятся в развалины. Договорились?

Покраснев от стыда и смущения, Джельсомино попробовал возразить:

— Синьор учитель, ведь это же не я!

«Трах-тарарах!» — ответила ему новая доска, только что принесённая школьным сторожем из магазина.

— Вот тебе доказательство, — сказал учитель.

Однако, заметив, что у бедняги Джельсомино катились по щекам крупные слёзы, встал из-за стола, подошёл к мальчику и ласково погладил его по голове.

— Слушай меня внимательно, сынок. Твой голос может принести тебе либо много бед, либо великую славу. Пока же лучше, чтобы ты по возможности меньше пользовался им. К тому же всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото. Договорились?

С этого дня для Джельсомино начались адские муки. В школе, чтобы не наделать новых бед, он сидел, заткнув рот носовым платком. И всё же его голос звучал до того громко, что товарищам по классу приходилось затыкать себе уши пальцами.

Учитель старался спрашивать его как можно реже. Правда, нужно сказать, что Джельсомино считался примерным учеником, и учитель был уверен, что он всегда сможет дать правильный ответ.

Дома после первого случая (он за столом стал рассказывать о приключившемся в школе, и от двенадцати стаканов остались одни осколки) ему было строго-настрого запрещено раскрывать рот.

Чтобы отвести душу, ему приходилось уходить подальше от селения: в лес, на берег озера или в поле. Когда он бывал уверен, что остался один и на почти-тельном расстоянии от окон своих односельчан, он ложился на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно закипала — кроты, гусеницы, муравьи и другие подземные обитатели вылезали на поверхность и убегали за много километров, думая, что начинается землетрясение.

Только один раз Джельсомино забыл про свою обычную осторожность. Дело было в воскресенье на стадионе, во время решающей футбольной встречи.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но мало-помалу игра захватила и его. И вот под одобрительные возгласы болельщиков команда его селения перешла в атаку. (Я точно не знаю, что значит «перейти в атаку», так как ничего не понимаю в футболе, но такое выражение употребил в своём рассказе Джельсомино, и я уверен, что вы его поймёте — ведь вы же читаете спортивные газеты!)

— Давай! Давай! — кричали болельщики.

— Давай! — закричал во весь голос Джельсомино.

Как раз в этот момент правый крайний передавал мяч центру нападения, но мяч на полпути изменил направление и, движимый какой-то неведомой силой, влетел в ворота противника, проскочив между ног вратаря.

— Гол! — закричали зрители.

— Вот это удар! — воскликнул кто-то. — Видели, как он срезал мяч? Точность-то какая! Всё рассчитано до миллиметра. У него просто золотые ноги.

Но Джельсомино, придя в себя, сразу же понял, что он наделал.

«Сомнений быть не может, — думал он, — этот гол забил я своим голосом. Придётся мне молчать, а то иначе во что же превратится спорт? Ну что же, пожалуй, чтобы уравнивать счёт, придётся забить гол и в другие ворота».

Во втором тайме ему представился удобный случай. Команда противника бросилась в атаку.

Джельсомино закричал, и мяч влетел в ворота его односельчан. Легко понять, что сердце его при этом обливалось кровью. Даже спустя много лет, рассказывая мне об этом случае, Джельсомино заметил:

— Я скорее бы дал отрубить себе палец, чем забить этот гол, но ничего не поделаешь, волей-неволей пришлось забить.

Да, другой на его месте подыгрывал бы своей любимой команде, но не Джельсомино — он был честный, искренний и чистый, как прозрачная родниковая вода.

Вот таким он и рос и стал юношей. Был он, по правде говоря, не очень высоким, скорее даже небольшого роста и скорее худым, чем толстым, — в общем, вполне подходящим человеком, чтобы называться Жасмином. Будь у него имя потяжелее, глядишь, чего доброго, он нажил бы себе горб, нося его.

Джельсомино уже давно оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом, да так и занимался бы всю жизнь, и мне не пришлось бы рассказывать вам о нём, не случись с ним пренеприятная история, о которой вы вскоре узнаете.

ГЛАВА 2

НА СЕЙ РАЗ ГОЛОС И ГРУШИ В САДУ
ГЕРОЯ НАШЕГО ВВЕРГЛИ В БЕДУ.

Однажды утром Джельсомино отправился в свой сад и увидел, что груши уже созрели. Груши ведь всегда так поступают: не говоря вам ничего, они зреют себе и зреют, и в одно прекрасное утро вы видите, что они уже поспели и пришла пора их снимать.

«Жаль, — подумал Джельсомино, — что я не захватил с собой лестницу. Пойду-ка домой, возьму её да заодно принесу шест, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в этот момент ему пришла другая мысль — вернее, просто небольшой каприз: «А что, если мне попробовать пустить в ход свой голос?»

И, решив так, он встал под деревом и не то в шутку, не то всерьёз закричал:

— А ну-ка, груши, падайте!

«Бах-бах-бабах!» — ответили ему груши, падая дождём на землю.

Джельсомино подошёл к другому дереву и проделал то же самое. Каждый раз, когда он кричал: «Падайте!», груши отрывались от веток, словно только и ждали этого приказа, и усыпали густо землю. Джельсомино очень обрадовался этому.

«Ведь так я сберегу немало сил, — подумал он. — Жаль только, что я раньше до этого не додумался — пользоваться голосом вместо лестницы и шеста».

В то время когда Джельсомино обходил свой сад, собирая таким образом груши, его увидел крестьянин, который мотыжил землю на соседнем участке. Он протёр глаза, ущипнул себя за нос и, когда убедился, что всё это не сон, побежал за своей женой.

— Пойди-ка погляди, — сказал он ей, весь дрожа. — Я уверен, что Джельсомино злой колдун.

Жена, взглянув на чудо, упала на колени и воскликнула:

— Да он добрый святой волшебник!

— А я тебе говорю, что колдун!

— А я тебе говорю, что волшебник!

До этого дня муж с женой жили довольно мирно, но тут он взялся за мотыгу, она за лопату, и каждый из них уже был готов с оружием в руках отстаивать своё мнение, когда крестьянин предложил:

— Пойдём позовём соседей. Пусть они тоже поглядят на Джельсомино. Послушаем, что они скажут.

Идея позвать соседей и иметь предлог лишний раз поболтать язычком понравилась жене, она бросила свою лопату и исчезла.

Ещё до наступления вечера вся округа уже знала о случившемся. Жители разделились на две партии: одни утверждали, что Джельсомино — добрый волшебник, другие доказывали, что он злой колдун.

Споры всё больше разгорались и росли, как растут волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули настоящие споры, и было даже несколько пострадавших. К счастью, легко. Один крестьянин, например, обжёгся трубкой, так как в разгар спора сунул её в рот не тем концом. Полицейские совсем растерялись и не знали, что им делать. Они ходили от одной группы к другой и призывали всех к спокойствию. Самые неистовые спорщики направились к саду Джельсомино — одни для того, чтобы взять себе что-нибудь на память о волшебстве, другие с намерением уничтожить заколдованный сад.

Увидев, что огромная толпа устремилась куда-то, Джельсомино решил, что вспыхнул пожар. Он схватил ведро и хотел было броситься гасить пламя, но увидел, что толпа остановилась у его дверей, и услышал её крики.

— Вот он! Вот он! — кричали одни. — Он святой волшебник!

— Да какой там святой? Он злой колдун. Поглядите, у него в руках ведро. Наверняка заколдованное.

— Ради бога, отойдём подальше: если он плеснёт на нас этой штукой, то мы пропали.

— Какой такой штукой?

— Да что вы, ослепли? В ведре адская смола. Если она попадёт на человека, насквозь прожжёт, и ни один врач никогда уже не залечит.

Тогда самый разумный из односельчан сказал:

— Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам попевать — и они попевали, приказывал падать — и они падали.

— Да вы рехнулись, что ли? — спросил Джельсомино. — Ведь всему виной мой голос. Просто воздух от него начинает сотрясаться, как при сильном урагане.

— Да, да, мы знаем! — закричала одна из женщин. — Ты делаешь чудеса своим голосом!

— Какие там чудеса! Это колдовские чары! — надрылись другие.

Джельсомино бросил со злости ведро на землю, ушёл в дом и закрыл дверь на засов.

«Кончилась моя спокойная жизнь, — думал он. — Теперь мне нельзя будет шагу ступить, чтобы за мной следом не бежали любопытные. По вечерам, перед сном, везде только и будет разговоров, что обо мне. Я буду пугалом для маленьких детей, злым колдуном. Лучше мне убраться отсюда. В конце концов, что мне здесь делать? Родители мои умерли, лучшие друзья погибли на войне. Пойду-ка я бродить по свету да попробую найти счастье с помощью моего голоса. Есть же люди, которым платят за то, что они поют. Правда, это немного странно. Ведь по-настоящему не стоило бы платить людям за такое занятие, которое им самим доставляет удовольствие. Но всё же за пение платят. Может быть, и мне удастся стать певцом?»

Приняв такое решение, он сложил немудрёные пожитки в вещевой мешок и вышел на улицу.

Ожидавшие его люди расступились, перешёптываясь. Не глядя ни на кого, Джельсомино молча пошёл по дороге. Отойдя довольно далеко, он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на свой дом.

Толпа всё ещё не расходилась, и люди указывали на него пальцами, словно на привидение.

«А не сыграть ли с ними шутку, которой они заслуживают?» — подумал Джельсомино, и, набрав полную грудь воздуха, он крикнул во весь голос:

— До свидания!

Результат этого прощального приветствия оказался незамедлительно. Мужчины почувствовали, как неожиданный порыв ветра сорвал у них шапки. Несколько пожилых женщин, у которых вдруг обнаружились лысины, похожие на очищенное яйцо, бросились вдогонку за своими париками.

— Прощайте, прощайте! — повторил Джельсомино, от души смеясь над этой первой в своей жизни шалостью.

Шапки и парики сбились в одну стайку, словно перелётные птицы, вспорхнули к облакам, движимые необычайной силой голоса Джельсомино, и через несколько минут скрылись из виду. Вскоре стало известно, что они умчались за несколько километров, а некоторые из них даже перелетели границу.

Через несколько дней и Джельсомино тоже пересёк границу и попал в самую необычную страну на свете.

ГЛАВА 3

ДЖЕЛЬСОМИНО ВСТРЕЧАЕТ КОШКУ СО СТРАННОЙ КЛИЧКОЙ — ХРОМОНОЖКА.

Первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну, была серебряная монета. Она блестела на земле около тротуара у всех на виду. «Странно, что никто её не подобрал, — подумал Джельсомино. — Я своего не упущу, тем паче что в кармане пусто. Деньги были, но все сплыли. Сегодня у меня во рту маковой росинки не было. Но сначала узнаю, не потерял ли её кто-нибудь из прохожих».

Он подошёл к кучке людей, которые, шушукаясь между собой, наблюдали за ним, и показал им на монету.

— Синьоры, не обронил ли кто-нибудь из вас эту монету? — шёпотом спросил он, чтобы не напугать их своим голосом.

— Убирайся прочь, — ответили ему, — да пореже показывай эту монету, если не хочешь нажить себе беды!

— Извините меня, пожалуйста, — пробормотал, растерявшись, Джельсомино и направился к магазину, вывеска которого заманчиво гласила:

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ И ДРУГИЕ ТОВАРЫ

На витрине вместо ветчины и банок с вареньем красовались груды тетрадей, коробки с красками и стояли пузырьки с чернилами.

— Это, наверное, и есть «другие товары», — сказал себе Джельсомино и доверчиво вошёл в магазин.

— Добрый вечер, — галантно приветствовал его хозяин магазина.

«По правде говоря, — подумал Джельсомино, — я не слышал, чтобы пробило даже полдень. Впрочем, нечего на это обращать внимание». И, как обычно, почти шёпотом, который всё ещё слишком громко звучал для нормального уха, он спросил:

— Не могу ли я купить хлеба?

— Пожалуйста, дорогой синьор. Сколько бы вы хотели? Один пузырёк или два? Красного или чёрного?

— Только не чёрного, — ответил Джельсомино. — А что, вы действительно продаёте хлеб в пузырьках?

Хозяин магазина расхохотался:

— А как же вы хотите, чтобы мы его продавали? Разве в вашей стране хлеб режут на куски? Нет, вы только посмотрите, какой хороший у нас хлеб!

И, говоря это, он показал на полку, где пузырьки с чернилами самых различных цветов стояли в ряд ровнее, чем солдаты в строю. Кстати, во всём магазине и следа не было чего-нибудь съестного: ни корки сыра, ни яблочной кожуры.

«Не сошёл ли он с ума? — подумал Джельсомино. — Пожалуй, лучше ему не перечить».

— Действительно, хлеб чудесный, — согласился Джельсомино и показал ему на пузырёк с красными чернилами, желая услышать, что же ему тот ответит.

— Неужели? — сказал продавец, весь просияв от такой похвалы. — Да, это самый лучший зелёный хлеб, который когда-либо был в продаже.

— Зелёный?

— Ну конечно! Извините, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино был уверен, что перед ним пузырёк с красными чернилами. Он уже собирался найти

какой-нибудь предлог, чтобы убраться подобру-поздорову и пойти на поиски более разумного хозяина магазина, как вдруг его осенила мысль.

— Послушайте, — сказал Джельсомино, — я лучше найду попозже купить хлеба. А пока что укажите мне магазин, где продаются чернила высшего качества.

— Конечно, — ответил тот со своей постоянной деланной улыбкой на лице. — Посмотрите, вот напротив самый известный в городе магазин канцелярских принадлежностей.

На витрине магазина напротив были аппетитно разложены хлеба различных сортов, торты и пирожные, макароны, рожки, спагетти и горы сыра, висели колбасы и сосиски.

«Я так и думал, — решил Джельсомино, — хозяин магазина рехнулся и называет хлеб чернилами, а чернила — хлебом. В том, пожалуй, дело будет вернее!»

Он вошёл в магазин напротив и попросил полкило хлеба.

— Хлеба? — услужливо переспросил продавец. — Видите ли, вы ошиблись. Хлеб продаётся напротив. Мы торгуем только канцелярскими принадлежностями, — и он с гордостью широким жестом руки обвёл всё обилие вкусных вещей.

«Теперь я понял, — решил про себя Джельсомино, — в этой стране нужно говорить шиворот-навыворот. Если ты назовёшь хлеб хлебом, то тебя не поймут».

— Дайте мне полкило чернил, — сказал он продавцу.

Тот отвесил ему полкило хлеба и, завернув по всем правилам в бумагу, подал.

— Мне хотелось бы также немного вот этого, — добавил Джельсомино и показал на круг сыра, не рискуя назвать его.

— Немного ластика? — спросил продавец. — Сию минуту, синьор.

Он отрезал добрый кусок сыра, взвесил и завернул в бумагу. Джельсомино облегчённо вздохнул и бросил на прилавок только что найденную им серебряную монету.

Продавец нагнулся, разглядывая её несколько минут, подбросил раза два над прилавком, чтобы послушать, как она звенит, потом принялся рассматривать её через увеличительное стекло и даже попробовал на зуб.

Наконец он недовольно вернул её Джельсомино и холодно заметил:

— К сожалению, молодой человек, ваша монета настоящая.

— Тем лучше, — доверчиво улыбнулся Джельсомино.

— Как бы не так! Повторяю вам, что эта монета настоящая и я не могу её принять. Идите своей дорогой. И вообще, будьте довольны, молодой человек, что у меня сейчас нет желания выйти на улицу и позвать полицейского. Разве вы не знаете, что ждёт тех, кто пускает в оборот настоящие деньги? Тюрьма.

— Но я...

— А вы не повышайте голос, я не глухой. Ступайте, ступайте и возвращайтесь с фальшивой монетой, тогда и получите товар. Глядите, я даже не разворачиваю пакеты. Они будут лежать здесь для вас в сторонке, ладно? Спокойной ночи.

Джельсомино засунул в рот кулак, чтобы не закричать. И пока он шёл от прилавка к двери, между ним и его голосом произошёл такой разговор:

Голос: Хочешь, я воскликну: «А-а!», и у него разлетится вдребезги вся витрина?

Джельсомино: Прошу тебя, не делай этого. Ведь я только попал в эту страну, у меня и так идёт здесь всё вкривь и вкось.

Голос: Но мне нужно вырваться наружу, иначе мне конец. Ты мой хозяин, подумай, как лучше поступить.

Джельсомино: Потерпи, вот выйдем из магазина этого ненормального. Я не хочу разорять его. В этой стране творится что-то странное.

Голос: Тогда поторапливайся, я больше не могу. Поспеш. Ещё минута — и я закричу... Ещё минута — и всё пропало.

Джельсомино пустился бегом, свернул в безлюдную улочку чуть пошире переулка, быстро огляделся. Вокруг не было ни души.

Тогда он вынул кулак изо рта и, чтобы освободиться от злости, переполнявшей его, испустил короткое: «А-а!» Послышался звон разбившегося фонаря, а стоявший на подоконнике горшок закачался и рухнул на мостовую.

Джельсомино вздохнул:

— Когда у меня будут деньги, я вышлю их по почте городскому управлению за разбитый уличный фонарь, а на балкон поставлю новый горшок с цветами. Как будто ничего больше не разбилось?

— Нет, ничего, — ответил ему тоненький голос, и кто-то два раза кашлянул.

Джельсомино искал хозяина этого голоса и увидел кошку, или существо, которое издали можно было принять за кошку. Прежде всего кошка эта была красная. Какого-то особенно густого красного, или даже бордового, оттенка. У неё было всего лишь три лапы. И наконец, что самое удивительное, это была нарисованная кошка, вроде тех фигурок, которые ребятишки рисуют на стенах.

— Как! Говорящая кошка? — удивился Джельсомино.

— Да, я несколько необычная кошка и признаю это. Я, например, умею читать и писать. Но кроме всего прочего, я дочь школьного мела.

— Чья ты дочь?

— Меня одна девочка нарисовала на этой стене кусочком цветного мела, который она стянула в школе.

Но поскольку в тот момент подходил полицейский, она впопыхах убежала, успев нарисовать мне всего три лапы. Вот и вышла я такая хромая. И поэтому решила называться Кошкой Хромоножкой. Я также покашливаю немного. Ведь самые холодные зимние месяцы мне пришлось провести на довольно-таки сырой стене.

Джельсомино взглянул на стену. На ней остался пустой отпечаток от Кошки Хромоножки, как будто рисунок отделился от штукатурки.

— Но как же ты выпрыгнула? — спросил Джельсомино.

— А это я должна благодарить твой голос, — ответила Кошка Хромоножка. — Если бы ты крикнул ещё сильнее, то, вероятно, продырявил бы стену, и произошла бы неприятность. А так мне просто повезло. Ох, как здорово ходить по земле, пусть даже на трёх лапах! У тебя, кстати, только две ноги, и тебе ведь этого хватает, правда?

— Ещё бы, — согласился Джельсомино, — для меня этого даже слишком много. Будь у меня только одна нога, я бы не ушёл из дому.

— Ты не очень-то весел, — заметила Кошка Хромоножка. — Что с тобой стряслось?

Джельсомино собрался было начать рассказ о своих злоключениях, как на улочке показался настоящий кот, на четырёх лапах. Но он, вероятно, был углублён в свои мысли и даже не обернулся, чтобы взглянуть на наших друзей.

— Мяу! — крикнула ему Кошка Хромоножка.

На кошачьем языке слово «мяу» означает «чао».

Кот остановился. Он казался удивлённым или даже оскорблённым.

— Меня зовут Кошка Хромоножка, а тебя как? — поинтересовалась наша кошка.

Настоящий кот, казалось, колебался, ответить или нет. Потом неохотно пробормотал:

— Меня зовут Барбосом.

— Что он сказал? — спросил Джельсомино, который действительно ничего не понимал.

— Говорит, что его зовут Барбосом.

— Да разве это не собачья кличка?

— Именно так!

— Никак не возьму в толк, — сказал Джельсомино. — Сперва продавец захотел мне всучить чернила вместо хлеба. Теперь попался кот с собачьей кличкой.

— Дорогой мой, — пояснила Кошка Хромоножка, — кот думает, что он собака. Хочешь послушать его? — И, обратившись к коту, она его сердечно поприветствовала: — Мяу!

— Гав-гав! — разозлившись, ответил кот. — Постыдись, ты же кошка, а мяукаешь.

— Да, я кошка, — ответила Кошка Хромоножка, — хотя у меня всего только три лапы, нарисованные красным мелом.

— Ты позор нашего города. Ты обманщица, убирайся прочь. Я не желаю больше терять ни минуты на разговоры с тобой. Да, кстати, и дождь собирается. Пойду-ка я домой, возьму зонтик. — И он пошёл, то и дело оглядываясь и лая.

— Что он там бормочет? — спросил Джельсомино.

— Сказал, что пойдёт дождь.

Джельсомино взглянул на небо. Над крышами домов сияло солнце, как никогда, и даже в морской бинокль невозможно было бы разглядеть ни одной тучи.

— Будем надеяться, что все ненастные дни в этом краю будут походить на сегодняшний день. Мне кажется, что я попал в страну, где всё шиворот-навыворот.

— Дорогой Джельсомино, ты просто очутился в Стране лжецов. Здесь все по закону обязаны врать. И горе тем, кто говорит правду. Их так штрафуют, что шкуру сдирают вместе с хвостом.

И вот Кошка Хромоножка, сумевшая многое узнать со своего наблюдательного пункта на стене, подробно описала Джельсомино Страну лжецов.

ГЛАВА 4

ЗДЕСЬ МЫ ПРИВОДИМ С КОШКИНЫХ СЛОВ
ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ О СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ.

Д а будет тебе известно... — начала Кошка Хромоножка. Но я сокращу её рассказ, чтобы не заставлять вас терять много времени. Итак, задолго до того, как Джельсомино попал в эту чужеземную страну, туда по морю приплыл хитрый и жестокий пират по прозвищу Джакомон. Это был довольно высокий и толстый человек, уже не молодой, и на старости лет ему захотелось найти себе занятие поспокойнее.

— Молодость уже прошла, — говорил он. — Мне опостылело бороздить моря. Не лучше ли теперь захватить какой-нибудь островок и бросить старое ремесло. Безусловно, я не забуду своих пиратов. Я произведу их в мажордомы, слуги, конюхи, рассыльные, и они не будут в обиде на своего атамана.

Задумав такое дело, он начал подыскивать для себя островок. Но все островки были слишком малы и не отвечали его вкусам. Если же они приходились по вкусу ему, то не нравились его шайке. Один хотел обязательно реку, чтобы ловить форель, а реки не было, другой — кинотеатр, третий — банк, чтобы вложить свои пиратские сбережения.

— А почему бы нам не захватить что-нибудь получше, чем островок? — каждый раз говорил кто-нибудь.

Одним словом, кончилось тем, что они захватили целую страну с большим городом, где было полным-полно банков и театров и много рек, чтобы ловить форель, а в воскресные дни кататься на лодке. И ничего удивительного в этом нет. Довольно часто случается, что банда пиратов захватывает ту или иную страну в какой-нибудь части света.

Завладев страной, Джакомон решил называть себя королём Джакомоном Первым, а своих людей он произвёл в адмиралы, камергеры, придворные и начальники пожарных команд.

Разумеется, Джакомон издал закон, которым всех обязывал называть его «ваше величество» под угрозой, что будет отрезан язык. Но для полной уверенности, что никому никогда не взбредёт в голову сказать о нём правду, он приказал своим министрам произвести реформу словаря.

— Нужно изменить все слова, — пояснил он. — Например, слово «пират» будет означать джентльмен. Таким образом, когда люди будут говорить, что я пират, на новом языке это будет означать, что я джентльмен — порядочный человек.

— Клянёмся всеми китами, которых видели, и как мы ходили на абордаж, что это прекрасная идея! — закричали восхищённые министры. — Её стоит записать золотыми буквами.

— Всем ясно? — продолжал Джакомон. — А теперь за дело! Изменить все названия вещей, животных и людей! Для начала вместо «доброе утро» нужно будет говорить «спокойной ночи». Так мои верноподданные будут начинать свой день со

лжи. Конечно, когда придёт время идти спать, надо будет говорить «доброе утро».

— Великолепно! — воскликнул один из министров. — А чтобы сказать кому-нибудь: «Как вы прекрасно выглядите!», нужно будет говорить: «Ваша физиономия кирпича просит».

После реформы словаря был издан закон, который делал ложь обязательной. И тут началась полная неразбериха.

На первых порах люди очень легко ошибались. Например, хлеб шли покупать в булочную, забывая, что там теперь продавались карандаши и тетради, а хлеб покупался в магазине письменных принадлежностей. Или же шли погулять в городской парк, смотрели на цветы и вздыхали:

— Какие чудесные розы!

Немедленно из-за куста выскакивал стражник короля Джакомона, держа наручники наготове.

— Ну и молодец, право, молодец! А вам известно, что вы нарушили закон? Как вам в голову взбрело называть розами морковь?

— Прошу прощения, — бормотал провинившийся и второпях принимался расхваливать другие цветы парка. — Какая изумительная крапива! — говорил он, показывая на анютины глазки.

— Нет, нет, вы мне зубы не заговаривайте! Преступление вы уже совершили. Посидите немного в тюрьме и потренируйтесь там говорить неправду.

Но то, что произошло в школах, просто невозможно описать. Джакомон заставил изменить все числа таблицы умножения. Чтобы произвести сложение, необходимо было делать вычитание, а при делении надо было умножать. Сами учителя не могли больше исправлять ошибки в задачах. Для лодырей это было сущее раздолье: чем

больше они делали ошибок, тем увереннее были, что получат отличную оценку.

А сочинения?

Можете себе представить, какие сочинения получались, когда они писались шиворот-навыворот. Вот, к примеру, сочинение на тему: «Прекрасный день», за которое один школьник был награждён медалью из фальшивого золота:

Вчера шёл дождь. Ах, какое наслаждение гулять под проливным холодным дождём! Наконец люди смогли оставить дома зонтики и плащи и ходить без пиджаков, в одних рубашках. Я не люблю, когда светит солнце — приходится сидеть дома, чтобы не намокнуть, и смотреть всю ночь направо, как солнечные лучи грустно скользят по черепицам дверей.

Для того чтобы как следует оценить это сочинение, вы должны учитывать, что «черепицы дверей» на этом языке означало «стёкла окон».

Но хватит об этом. Теперь вы уже знаете, о чём идёт речь. В Стране лжецов даже животные были вынуждены говорить неправду. Собаки мяукали, кошки лаяли, лошади мычали, а лев, сидевший в клетке в зоологическом саду, должен был попискивать, потому что рычать обязали мышей.

Лишь рыбы в воде да летающие птицы могли наплевать на все законы короля Джакомона. Ведь рыбы всегда молчат, и поэтому никто их не может заставить лгать. Ну а птиц никогда бы не могла арестовать королевская стража. Птицы продолжали, как всегда, каждая на свой лад распевать песни. Люди часто смотрели на них с завистью и вздыхали:

— Счастливые они, никто их не может оштрафовать.

Слушая рассказ Кошки Хромоножки, Джельсомино становился всё грустнее и грустнее.

«Как же я буду жить в этой стране? — думал он. — Если я своим слишком громким голосом скажу правду, то меня услышат все полицейские короля Джакомона. Да и голос у меня такой непослушный. Кто знает, как с ним совладать?»

— Ну вот, теперь тебе всё известно, — закончила свой рассказ Кошка Хромоножка. — А знаешь, что я тебе скажу? Я ведь проголодалась.

— Я тоже. Совсем забыл об этом.

— Голод — это единственное, о чём нельзя забывать. Время ему не помеха. Наоборот, чем больше проходит времени, тем сильнее ты чувствуешь голод. Вот увидишь, мы что-нибудь найдём. Но сначала мне хотелось бы оставить о себе память на этой стене, пленницей которой я пробыла столько времени.

И своей лапой, нарисованной красным мелом, она нацарапала на стене на своём прежнем месте:

МЯУ!

ДА ЗАРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Найти чего-нибудь поесть было не так-то просто. Пока они бродили по городу, Джельсомино, не отрываясь, смотрел на мостовую в надежде найти фальшивую монету. А Кошка Хромоножка всё глядела по сторонам, как бы разыскивая среди толпы кого-нибудь из знакомых.

— Вот она, — произнесла наконец Кошка и указала на старую синьору, которая торопливо шла по тротуару с кульком в руках.

— Кто это?

— Тётушка Кукуруза, покровительница кошек. Каждый вечер она приносит кулёк с объедками для бродячих кошек, которые собираются около парка королевского дворца Джакомона.

Тётушка Кукуруза была прямой, как палка, сухой, строгого вида старухой ростом почти в два метра. Посмотрев на неё, можно было бы подумать, что она из тех старух, которые с метлой гонятся за кошками. Но, по словам Кошки Хромоножки, дело обстояло как раз наоборот.

Следуя за ней, Джельсомино и его новая подруга вышли на маленькую площадь, в глубине которой возвышалась стена парка с зубцами, покрытыми острыми бутылочными осколками. Десяток исхудавших, ободранных кошек встретили тётушку беспорядочным лаем.

— Остолопы! — сказала Кошка Хромоножка. — Смотри, как я сейчас их проведу.

В тот момент, когда тётушка Кукуруза, развернув свой кулёк, выкладывала его содержимое около тротуара, Кошка Хромоножка врезалась в кошачью свалку и испустила пронзительное «мяу!».

Кошка, которая не лаяла, а мяукала, была такой редкостью, к какой здешние коты не привыкли.

Они совершенно остолбенели и с открытыми ртами застыли на месте как статуи. Кошка Хромоножка уцепилась зубами две тресковые головы и хребет камбалы и в два прыжка очутилась на стене королевского парка, перелезла через неё и спрыгнула в кусты.

Джельсомино посмотрел по сторонам. Ему тоже захотелось перелезть через стену, но на него подозрительно поглядывала тётушка Кукуруза.

«Не хочу, чтобы она подняла шум», — подумал он. Притворившись обычным прохожим, который идёт своей дорогой, он свернул на другую улицу.

Когда кошки пришли в себя от удивления, они залаяли, цепляясь за юбку тётушки Кукурузы. Но, по правде говоря, она была поражена ещё больше, чем они. Наконец, вздохнув, тётушка разделила между кошками оставшиеся объедки и, взглянув последний раз на стену, за которой скрылась Кошка Хромоножка, направилась домой.

А Джельсомино, едва свернув за угол, нашёл в конце концов фальшивую монету, которую он так искал. Он купил себе хлеба и сыра, или, как здесь говорили, «пузырёк чернил и ластик». Быстро спускалась ночь, Джельсомино очень устал, и ему хотелось спать. Увидев раскрытую дверь, он устремился туда и попал в подвал, где и заснул на куче угля.

ГЛАВА 5

КОШКА ХРОМОНОЖКА УВИДЕЛА С БАЛКОНА
РЫЖИЙ ПАРИК КОРОЛЯ ДЖАКОМОНА.

Пока Джельсомино спит, не подозревая того, что как раз во сне с ним произойдёт новое приключение, о котором я вам расскажу позже, мы пойдём по следам трёх красных лапок Кошки Хромоножки.

Тресковые головы и хребет камбалы показались ей необычайно вкусными. В первый раз в своей жизни она поела. Пока она оставалась нарисованной на стене, ей никогда не приходилось испытывать голод.

Впервые Кошка проводила ночь в королевском парке. Взглянув на королевский дворец, она заметила на последнем этаже ряд освещённых окон.

— Жаль, что здесь нет Джельсомино, — сказала она. — Уж он бы смог спеть серенаду королю Джакомону и разбить ему вдребезги стёкла. Однако король Джакомон собирается, наверное, почивать. Не упустить бы мне это зрелище.

Быстро, по-кошачьи, она стала карабкаться с этажа на этаж и сверху заглянула в окно большого зала, который находился перед опочивальней его величества.

Двумя нескончаемыми рядами стояли слуги, камердинеры, придворные, камергеры, адмиралы, министры и другие знатные особы, которые низко кланялись проходящему Джакомону.

Он был огромный, толстый и такой страшный, что можно было испугаться.

Однако своей красотой поражали его густые длинные вьющиеся волосы оранжево-огненного цвета и фиолетовая ночная рубашка с королевским именем, вышитым на груди.

Когда он проходил, все отвечали ему поклоны и почтительно говорили:

— Доброе утро, ваше величество! Счастливо провести день, наш государь!

Джакомон то и дело останавливался и сладко зевал, и немедленно один из придворных вежливо прикрывал ему рукой рот. Затем Джакомон вновь трогался с места, бормоча:

— Вот уж сегодня утром мне совсем не хочется спать. Я себя чувствую свежим как огурчик.

Разумеется, всё это означало совсем обратное. Но он настолько привык заставлять врать других, что сам тоже врал не хуже и первый же верил своему вранью.

— У вашего величества физиономия кирпича просит, — заметил, низко кланяясь, один из министров.

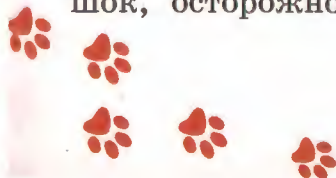
Джакомон бросил на него гневный взгляд, но вовремя спохватился: ведь эти слова означали, что у него, мол, прекрасный цвет лица. Он улыбнулся, зевнул, повернулся к толпе придворных и приветствовал их жестом руки. Затем, подобрав подол своей фиолетовой рубашки, удалился в опочивальню.

Кошка Хромоножка перешла к другому окну, чтобы продолжать свои наблюдения.

Как только его величество Джакомон остался один, он устремился к зеркалу и принялся старательно расчёсывать золотым гребешком свою прекрасную оранжевую шевелюру.

«Как он заботится о своих волосах, — подумала Кошка Хромоножка, — а впрочем, не зря. Они на самом деле красивы. Кто знает, как мог человек с такими волосами превратиться в пирата? Ему следовало стать художником или музыкантом».

А Джакомон тем временем положил на место гребешок, осторожно ухватил две пряди волос у висков, и...

раз, два, три... движение руки — и показалась его голова без единого волоска, как булыжник. Даже индеец не сумел бы с такой быстротой оскальпировать своих непрошенных гостей.

— Парик! — пробормотала в изумлении Кошка Хромоножка.

Да, прекрасная оранжевая шевелюра оказалась не чем иным, как париком, а под ним лысая голова его величества имела неприятный розовый цвет и была усеяна шишками и бородавками, которые Джакомон почёсывал, грустно вздыхая. Затем он раскрыл шкаф, и Кошка Хромоножка увидела целую коллекцию разноцветных париков. От удивления у неё шире раскрылись глаза. Там были парики с русыми, синими, чёрными волосами, причёсанные на самый различный манер. На людях Джакомон всегда появлялся в оранжевом парике, но перед сном, оставшись наедине, он любил менять парики, чтобы хоть в этом найти утешение и забыть о своей лысине. Ему нечего было стыдиться, что у него выпали все волосы. Почти у всех порядочных людей в определённом возрасте волосы выпадают. Но уж таков был Джакомон — он не мог видеть свою голову без растительности.

На глазах у Кошки Хромоножки его величество примерил один за другим десятки париков. Он прохаживался перед зеркалом, чтобы насладиться своим видом, смотрел на себя анфас, в профиль, разглядывал с помощью маленького зеркальца затылок, как прима-балерина перед выходом на сцену. Наконец ему показалось, что фиолетовый парик как раз подойдёт к цвету его ночной рубашки. Он покрепче натянул его на свою лысину, лёг в постель и погасил свет.

Кошка Хромоножка провела ещё с полчаса на подоконниках, с любопытством заглядывая в окна королевского

дворца. Конечно, это не занятие для воспитанных особ. Если неприлично подслушивать у дверей, то, как вы думаете, прилично ли подглядывать в окна? Впрочем, вам это никогда не удастся, ведь вы не кошки и не канатоходцы. Особенно Хромоножка понравился один камергер, который, прежде чем улечься спать, снял с себя парадный мундир, разбросав по всей комнате кружева, ордена, оружие. И знаете, что он надел на себя? Свою старую пиратскую робу: штаны, закатанные до колен, клетчатую куртку и чёрную повязку на правый глаз. В этой одежде старый пират полез не в постель, а на самый верх балдахина, который возвышался над кроватью. Должно быть, он соскучился по верхней перекладине грот-мачты. Наконец он зажёл грошовую трубку, жадно затягиваясь дымом, от которого Кошка Хромоножка чуть было не раскашлялась.

— Гляди-ка! Вот гляди-ка, что значит сила правды, — промолвила наша наблюдательница, — даже старый пират и тот любит свою настоящую одежду.

Кошка Хромоножка решила, что ночевать в парке, рискуя быть задержанной стражей, крайне неосмотрительно. Поэтому она снова перелезла через ограду и очутилась на центральной площади города, разумеется, на той самой, где народ собирался, чтобы послушать речи короля Джакомона. Кошка Хромоножка стала поглядывать по сторонам, желая найти какое-нибудь пристанище, чтобы переночевать, как вдруг она почувствовала какой-то зуд в своей правой лапе.

— Странно, — пробормотала она, — уж не подцепили ли я блох у его величества или у того старого пирата?

Но зуд был совсем иного рода. Я хочу сказать, что лапа у неё чесалась не снаружи, а внутри. Кошка Хромоножка внимательно её осмотрела и не нашла никаких блох.

— Теперь я поняла, — решила она, — вероятно, мне захотелось писать на стенах. Помню, что вчера вечером я почувствовала такой же зуд, когда — спасибо Джельсомино! — мне удалось очутиться на этой земле. Оставлю-ка я приветствие королю лжецов.

Она потихоньку приблизилась к королевскому дворцу и воочию убедилась, что стража не в состоянии её схватить. Как это и полагается в стране шиворот-навыворот, стражники спали и похрапывали. Время от времени начальник охраны специально обходил посты и проверял, все ли стражники спят.

— Тем лучше, — обрадовалась Кошка Хромоножка и своей нарисованной красным мелом лапой — лапой правой, само собой разумеется, — написала на стене королевского дворца, как раз рядом с главным входом:

— Эта надпись здесь как раз к месту, — сказала она, рассматривая её. — Теперь нужно написать и по другую сторону входа.

За четверть часа она успела раз сто написать эти слова и под конец устала, как школьник, который закончил переписывать заданный ему в наказание за ошибки урок.

— Ну а теперь бай-бай.

Как раз посреди площади возвышалась мраморная колонна, украшенная статуями, прославляющими подвиги короля Джакомона. Конечно, всё это была сплошь выдумка. Здесь можно было видеть, как Джакомон раздавал свои богатства беднякам, как Джакомон громил врагов, как Джакомон изобретал зонтик, чтобы защитить своих подданных от дождя.

На вершине колонны было достаточно места, чтобы трёхлапая кошка могла там растянуться, укрывшись от всех опасностей, и вздремнуть. Кошка Хромоножка вскарабкалась, цепляясь за статуи, и устроилась на самой макушке колонны. Чтобы не упасть, она уцепилась хвостом за громоотвод и, не успев закрыть глаза, уснула.

ГЛАВА 6

ХОХОТ НА ПЛОЩАДИ, КРИКИ «БРАВО!»,
И НАЧАЛАСЬ НА СМУТЬЯНОВ ОБЛАВА.

На рассвете Кошку Хромоножку разбудил страшный шум.

«Может, произошло наводнение, когда я спала?» — в испуге подумала она. Свесившись с колонны, она увидела площадь, запруженную шумящей толпой. Ей не пришлось долго раздумывать, чтобы понять, что всех людей привела сюда надпись, оставленная ею на стене королевского дворца:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОН
НОСИТ ПАРИК!

В Стране лжецов даже самая небольшая правда производит больше шума, чем взрыв атомной бомбы. Со всех улиц стекались толпы людей, привлечённые шумом и смехом. Вновь прибывшие поначалу думали, что настал праздник.

— Что случилось? Мы одержали победу в какой-нибудь войне?

— Нет, нет, гораздо важнее!

— У его величества родился наследник?

— Нет, ещё лучше!

— Ну, тогда, несомненно, отменили налоги.

Наконец, прочтя надпись Кошки Хромоножки, вновь прибывшие тоже разражались смехом. Крики и хохот разбудили короля Джакомона, который почивал в своей

фиолетовой рубашке. Подбежав к окну, король потёр руки от удовольствия.

— Какая прелесть! Вы только посмотрите, как меня любит мой народ! Все они пришли пожелать мне спокойной ночи. Эй вы, придворные, камергеры, адмиралы, сюда, ко мне, подайте мантию и скипетр! Я хочу выйти на балкон и произнести речь.

Но, по правде говоря, придворные были настроены довольно недоверчиво.

— Не послать ли кого-нибудь узнать, что случилось?

— Ваше величество, а вдруг произошла революция?

— Чепуха! Разве вы не видите, как люди веселятся?

— Вот именно. А почему они так веселятся?

— Вполне понятно почему. Ведь я сейчас произнесу речь. Где мой секретарь?

— Я здесь, государь.

Секретарь короля Джакомона всегда носил под мышкой толстую папку, туго набитую заранее написанными речами. Тут были речи на любую тему: поучительные, трогательные, развлекательные, но все от начала до конца полные всякого вранья.

Секретарь раскрыл папку, вытащил исписанный лист бумаги и прочёл заглавие:

— «Речь о разведении рисовой каши».

— Нет, нет, не нужно ничего о еде. А то у кого-нибудь разыграется аппетит, и он будет меня неохотно слушать.

— «Речь по поводу изобретения лошадок-качалок», — прочёл ещё одно заглавие секретарь.

— Вот это было бы кстати. Всем известно, что лошадки-качалки изобрёл я. Пока я не стал королём, лошадок-качалок и в помине не было.

— Ваше величество, у меня есть ещё речь о цвете волос.

— Прекрасно, вот это мне как раз и нужно! — воскликнул Джакомон, поглаживая свой парик. Он схватил бумагу с текстом речи и выбежал на балкон.

При появлении его величества раздалось нечто такое, что могло быть или громкими аплодисментами, или неудержимым хохотом. Многие недоверчиво настроенные придворные сочли это за смех и стали посматривать ещё более подозрительно. Но Джакомон принял этот гам за аплодисменты и, поблагодарив своих подданных очаровательной улыбкой, приступил к чтению речи.

Не надейтесь, что сможете полностью её здесь прочесть. Вы всё равно ничего бы в ней не поняли, ведь обо всём в ней говорилось шиворот-навыворот. Я вам вкратце изложу её содержание, полагаясь на память Джельсомино.

Итак, король Джакомон приблизительно вот что сказал:

— Что такое голова без волос? Это сад без цветов.

— Bravo! — закричала толпа. — Правильно! Верно!

Слово «правильно» заставило насторожиться даже менее подозрительных придворных. Но Джакомон спокойно продолжал свою речь:

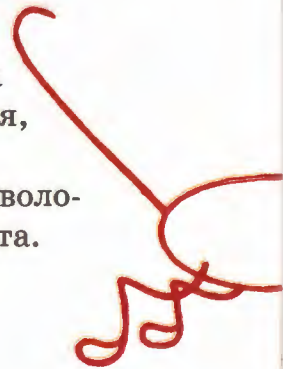
— Пока я не был королём этой страны, люди с отчаяния вырывали у себя волосы. Жители страны один за другим лысели, а парикмахеры становились безработными.

— Bravo! — закричал кто-то в толпе. —

Да здравствуют парикмахеры и да здравствуют парики!

Джакомон на миг оторопел. Этот намёк на парик задел его за живое. Но, отогнав подозрения, он продолжал:

— Граждане, сейчас я вам расскажу, почему волосы оранжевого цвета красивее волос зелёного цвета.

В этот момент один придворный потянул Джакомо-на за рукав и, заикаясь от волнения, прошептал ему на ухо:

— Ваше величество, произошла ужасная вещь.

— Что такое? Говори!

— Сначала обещайте мне, что не прикажете отрезать мне язык, если я скажу вам правду.

— Обещаю!

— Кто-то написал на стенах, что вы носите парик, поэтому люди и смеются.

Джакомон был так поражён, что выронил из рук листки со своей речью. Они поплыли над толпой и в конце концов попали в руки мальчишек. Если бы королю сказали, что загорелся его дворец, вероятно, он бы менее разозлился. Он приказал жандармам очистить площадь от народа. Затем заставил вырвать язык у того

придворного, который спустился вниз, разузнал, в чём дело, и принёс неприятное известие. Несчастный впопыхах попросил, чтобы ему оставили язык. Он совершенно забыл, что следовало просить оставить ему не язык, а нос. Тогда по крайней мере ему отрезали бы нос, а язык остался бы целым и невредимым. Но Джакомон на этом не успокоился. По всему королевству был разослан указ, в котором было обещано сто тысяч фальшивых талеров тому, кто укажет автора надписи, оскорбившей его величество. На площади перед дворцом, возле самой колонны, была сооружена гильотина, чтобы отсечь голову дерзкому писаке.

— Мамошка моя! — воскликнула Кошка Хромоножка, стараясь спрятаться на колонне, и потрогала шею. — Я, право, не знаю, как называется на языке лжецов страх, но если его называют смелость, то я сейчас чувствую себя очень смелой.

Из осторожности она весь день провела в своём убежище, свернувшись в клубок. К вечеру, когда вконец убедилась, что не произойдёт неприятных встреч, она спустилась вниз с колонны, сотню раз оглядываясь по сторонам, прежде чем сделать хоть шаг вперёд. Когда она очутилась на земле, её задние лапы готовы были сразу пуститься наутёк. И вот в этот момент она снова почувствовала в передней лапе неприятный зуд.

— Ну вот, опять начинается, — промурлыкала Кошка Хромоножка. — Придётся, пожалуй, чтобы прошёл этот зуд, опять написать что-нибудь неприятное на память королю Джакомону. Понятно, раз родилась я нарисованной на стене, всю жизнь мне придётся заниматься писаниной направо и налево. Но я не вижу здесь ни одной стены. А напишу-ка я там.

И на топоре той самой гильотины своей лапкой из красного мела она нацарапала новое послание королю Джакомону. Оно гласило:

ВЕСТЬ ЛЕТИТ СО ВСЕХ СТОРОН:
«ЛЫСЫЙ, ЛЫСЫЙ, ДЖАКОМОН!»

Зуд сразу прошёл, но Кошка Хромоножка с беспокойством отметила, что её лапа укоротилась на несколько миллиметров.

— У меня и так уже не хватает одной лапы, — сказала она, — а если я буду писать, то и другая лапа сотрётся, как же я буду тогда ходить?

— Ну, пока я тебе помогу, — услышала она голос за своей спиной.

Если бы только один голос, Кошка Хромоножка смогла бы спастись бегством. Но у голоса были две руки и цепкие пальцы, которые крепко держали её за шиворот. Руки и голос принадлежали пожилой синьоре ростом почти в два метра, на вид сухой и строгой...

— Тётушка Кукуруза!

— Да, это я, — прошептала старая синьора, — и я возьму тебя с собой. Ты у меня узнаешь, как таскать у моих кошек ужин и писать мелом на стенах.

Кошка Хромоножка без возражений дала себя завернуть в накидку тётушки Кукурузы, тем более что из ворот королевского дворца уже показалось несколько жандармов.

«Хорошо, что тётушка Кукуруза появилась вовремя, — подумала Кошка Хромоножка, — лучше попасться ей в руки, чем в руки Джакомона».

ГЛАВА 7

КОШКА ХРОМОНОЖКА БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ УЧИТ МЯУКАТЬ ГЛУПЫХ КОТОВ.

Тётушка Кукуруза принесла домой Кошку Хромоножку и пришила её к креслу. Да, да, пришила иголкой и ниткой, как пришивают рисунок на скатерть, когда хотят её вышить. Прежде чем оборвать нитку, она сделала двойной узел, чтобы не разошёлся шов.

— Тётушка Кукуруза, — сказала Кошка Хромоножка, сразу повеселев, — вы бы по крайней мере хоть синие нитки выбрали, которые мне больше к лицу, а оранжевый дикий цвет напоминает парик Джакомона.

— Нечего говорить о париках, — ответила тётушка Кукуруза. — Самое главное, чтобы ты сидела спокойно и не убежала от меня, как вчера вечером. Ты редкая bestия, и от тебя всего можно ожидать.

— Я всего лишь навсего кошка, — скромно заметила Хромоножка.

— Но ты кошка, которая мяукает, а в наши дни это большая редкость, и таких совсем нет. Кошки вздумали лаять, как собаки, и, конечно, у них это плохо получается, родились они не для этого. Я люблю кошек, а не собак. У меня их семеро в доме. Они спят на кухне под умывальником. Всякий раз, когда они раскрывают рот, мне хочется прогнать их. Я раз сто пробовала научить их мяукать, но они не слушаются и не доверяют мне.

Кошка Хромоножка начала испытывать симпатию к этой старой синьоре, которая, несомненно, спасла её от полиции и которой до смерти надоели лающие коты.

— Во всяком случае, — продолжала тётушка Кукуруза, — о кошках мы подумаем завтра. Сегодня вечером мы займёмся другим делом.

Она подошла к небольшой полке и взяла оттуда книгу, показав её заглавие Кошке Хромоножке.

— «Трактат о чистоте», — прочитала кошка.

— А теперь, — заявила тётушка Кукуруза, удобно устраиваясь в кресле напротив неё, — я тебе почитаю книгу от первой главы до последней.

— Сколько же в ней страниц, тётенька?

— Пустяки! Всего-навсего восемьсот двадцать четыре, включая оглавление, которое я, так уж и быть, не буду читать. Итак: «Глава первая. Почему не следует писать своё имя на стенах. Имя — вещь важная, и им нельзя разбрасываться. Нарисуйте красивую картину, тогда сможете поставить под ней своё имя. Создайте прекрасную статую, и ваше имя будет красоваться на пьедестале. Изобретите хорошую машину, и вы будете иметь право назвать её вашим именем. Только те, кто ни на что хорошее не способен, не находят лучшего места для своего имени, как стены, на которых его малюют».

— Я вполне согласна, — заявила Кошка Хромоножка, — но ведь я-то писала на стенах не своё имя, а короля Джакомона.

— Молчи и слушай. «Глава вторая. Почему не следует писать на стенах имена своих друзей».

— У меня всего-навсего один друг, — промолвила с грустью Кошка Хромоножка. — Но я его потеряла. Мне не хочется слушать эту главу, иначе я расплачусь.

— Но тебе всё же придётся её прослушать. Ведь ты всё равно не можешь двинуться с места.

Но в эту минуту раздался звонок, и тётушка Кукуруза встала, чтобы пойти открыть дверь. Вошла девочка лет десяти. То, что это была девочка, можно было заключить по пучку волос, наподобие конского хвоста собранных у неё на затылке. В остальном она могла легко сойти за мальчика, потому что была одета в спортивные брюки и клетчатую ковбойку.

— Ромолетта! — воскликнула Кошка Хромоножка вне себя от удивления.

Девочка посмотрела на неё, стараясь вспомнить.

— Где мы с тобой встречались?

— Ну как же, — воскликнула Хромоножка, — тебя ведь можно назвать почти моей мамой. Разве мой цвет ничего тебе не говорит?

— Он напоминает мне кусочек мела, — ответила Ромолетта, — который я однажды одолжила в школе.

— Одолжила? — строго спросила тётушка Кукуруза. — А учительница знала об этом?

— Я не успела вовремя сказать ей, — объяснила Ромолетта, — сразу прозвенел звонок об окончании уроков.

— Отлично, — сказала Кошка Хромоножка, — значит, меня можно считать дочерью этого кусочка мела. Вот почему я образованная кошка: я умею говорить, читать, писать и считать. Конечно, я бы тебе была ещё

больше признательна, если бы ты нарисовала мне все четыре лапы. Но я и так довольна.

— Я тоже ужасно рада вновь увидеть тебя, — улыбнулась Ромолетта. — Кто знает, сколько новостей ты мне расскажешь.

— Все довольны, кроме меня, — вмешалась тётушка Кукуруза. — По-моему, вам обоим следует поучиться тому, что написано в моей книге. Ромолетта, садись-ка там.

Девочка пододвинула поближе кресло, устроилась в нём с ногами, подальше отбросив свои туфли. Тётушка Кукуруза принялась читать третью главу, в которой разъяснялось, почему не следует писать на стенах оскорбительные для прохожих слова. Кошка Хромоножка и Ромолетта слушали с большим вниманием. Кошке Хромоножке, пришитой к креслу, ничего другого не оставалось. А вот Ромолетта делала это не без некоторой хитрости, смысл которой вы скоро поймёте.

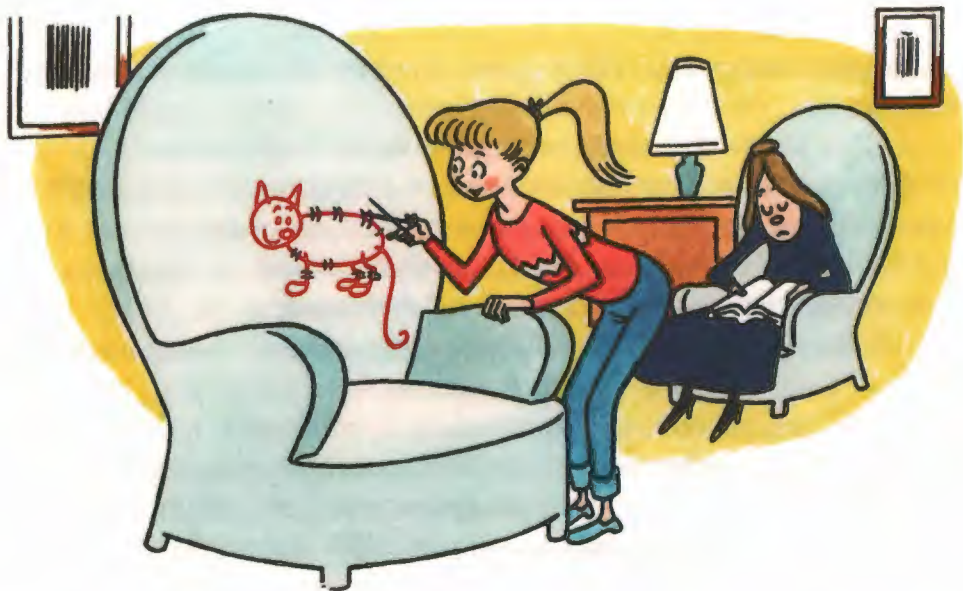
Дойдя до десятой главы, тётушка Кукуруза начала позёвывать. Сначала она зевала раза два на каждой странице, потом стала зевать всё чаще: три, четыре раза на каждой странице, затем на каждой строчке... на каждом слове... и, наконец, она зевнула так сладко, что, когда закрылся рот, одновременно с ним закрылись и глаза доброй синьоры.

— Вот так всегда, — пояснила Ромолетта, — дойдёт до половины и засыпает.

— И что же? Мы теперь должны ждать, пока она проснётся? — спросила Кошка Хромоножка. — Она меня так крепко пришила, что, пожелай я зевнуть, всё равно не смогла бы раскрыть рот. Кроме того, я тороплюсь разыскать одного друга, которого не видела со вчерашнего вечера.

— Сейчас я всё устрою, — сказала Ромолетта.

Взяв ножницы, она осторожно распоролла нитки. Кошка Хромоножка спрыгнула на пол, потянулась и с облегчением вздохнула.

— Скорее, — прошептала Ромолетта, — пройдем через кухню.

На кухне была кромешная тьма, но в углу, где, вероятно, находился умывальник, поблёскивали четырнадцать зелёных огоньков.

— Здесь пахнет кошками, — сказала наша Хромоножка. — Я даже чувствую по запаху, что их семь.

— Это тетины кошки.

Там, где стоял умывальник, раздалось веселое хихиканье.

— Сестричка, — слышалось оттуда, — ты, оказывается, не только хромая, но и слепая. Разве ты не видишь, что мы, как и ты, собаки?

— Ах вы несчастные лгунишки! — воскликнула Хромоножка, рассердившись не на шутку. — Вам повезло,

что мне некогда, а то я показала бы острые когти и научила вас мяукать. Тётушка Кукуруза сказала бы мне спасибо.

— Гав-гав! — ответили хором семь котят.

Хромоножка, прихрамывая, прошла через кухню и уселась перед своими семерыми братьями.

— Мяу! — произнесла она с вызывающим видом.

Семь котят почувствовали себя неважно.

— Вы слышали? — спросил самый меньший из них. — Она впрямь умеет мяукать.

— Да, да, и совсем неплохо для собаки.

— Мяу, — повторила Хромоножка, — мяу, мяу, мяу!

— Это, наверное, звукоподражатель на радио, — сказал самый старший из котят. — Не слушайте её. Она напрашивается на аплодисменты.

— Мяу! — ещё раз протянула Хромоножка.

— По правде говоря, — пропищал другой котёнок, — я тоже не прочь так хорошо мяукать. Если хотите знать, мне страсть как надоело лаять. Всякий раз, когда я принимаюсь лаять, меня охватывает такой страх, что шерсть встаёт дыбом.

— Ах ты, мой упрямец! А знаешь, почему ты пугаешься? — сказала Хромоножка. — Да потому, что ты кошка, а не собака.

— Прошу меня не оскорблять. Хватит и того, что мы слушаем тебя. Кто знает, что ты собой представляешь?

— Я, как и вы, кошка.

— Ну, собака ты или кошка, а мяукать, по правде говоря, мне тоже хотелось бы.

— Так попробуй же, — сказала Хромоножка. — Ты узнаешь, что это за штука. У тебя во рту будет вкус слаще, чем...

— Слаще, чем молоко тётушки Кукурузы? — спросил самый маленький котёнок.

— Во сто раз слаще.

— Мне ужасно хочется попробовать, — пропищал тот.

— Мяу, мяу, — замяукала вкрадчиво Хромоножка. — Смелее, братья котятя, учитесь мяукать.

И пока Ромолетта держалась за живот от смеха, самый маленький котёнок начал робко мяукать. Ему стал вторить уже сильнее второй. Затем третий присоединился к хору. И вскоре все семь котят замяукали, как семь скрипок, подстрекаемые во весь голос Хромоножкой.

— Ну, что вы теперь скажете?

— Это и правда сладко!

— Слаще, чем подсахаренное молоко!

— Кстати, — воскликнула Ромолетта, — вы разбудите тётю Кукурузу! Хромоножка, пошли!

И обе выбежали во двор.

Тётушка Кукуруза проснулась и появилась в дверях кухни. Послышался щелчок выключателя, и показалось лицо старой синьоры, по которому текли счастливые слёзы.

— Кисоньки вы мои, наконец-то, наконец!

Сначала семь котят были в нерешительности. Они смотрели на свою хозяйку, мяукали без передышки и не понимали, что означают эти ручейки, вытекающие из её глаз. Потом они взглянули на дверь и друг за другом устремились во двор, ни на минуту не переставая мяукать.

Тётушка Кукуруза, вытирая слёзы, смотрела им вслед.

— Молодцы, молодцы, — повторяла она, — ну и молодцы!

Котятя отвечали ей:

— Мяу! Мяу!

Но кое-кто незаметно наблюдал за этим необычным зрелищем. Это был синьор Калимер, владелец дома; он

отличался такой скупостью, что сам жил на чердаке, а жильцам сдавал весь дом, вплоть до последней комнатухи. Человек он был препротивный и походил на доносчика. Уже много раз синьор Калимер запрещал тётушке Кукурузе держать в доме животных, но старая синьора, разумеется, не слушала его.

— Я плачу за квартиру, — говорила она, — и вдобавок очень дорого. В своём доме держу кого хочу.

Добрую часть своего времени Калимер проводил, наблюдая из слухового окна своего чердака, что делают другие. Именно поэтому он увидел в тот вечер кошек, услышал, как они мяукали, и даже то, как тётушка Кукуруза громко расхваливала их, без конца повторяя:

— Ну и молодцы, молодцы!

— Ага, попалась! — сказал Калимер, потирая руки. — Так, значит, эта старая карга подбирает бродячих собак, чтобы обучать их мяукать. На этот раз я поставлю её на место! Сейчас же напишу министру.

Закрыв окно, он взял перо, чернила и написал:

«Господин министр!

Происходят невероятные вещи, с которыми никак не могут мириться жители нашего города.

Синьора тётушка Кукуруза сделала то и сё и т. д., и т. п. Подпись: Друг эти».

Он вложил письмо в конверт и побежал бросить его в почтовый ящик. К довершению всех бед, как раз в этот момент, когда Калимер возвращался домой, Ромолетта и Хромоножка остановились на улице, чтобы сделать то, за что им пришлось бы выслушать ещё глав десять из книги тётушки Кукурузы.

Вам уже известно, что Кошка Хромоножка испытывала иногда особый зуд в лапе, и тогда она не могла удержаться, чтобы не написать что-нибудь на стене. Как раз в этот момент она приводила в исполнение своё желание, а Ромолетта смотрела на неё с завистью, так как у неё в кармане не было ни кусочка мела. Ни та, ни другая не заметили Калимера.

Завидев их, доносчик сразу заподозрил что-то неладное. Он спрятался в подворотне и смог в своё удовольствие прочитать новое послание Кошки Хромоножки, которое гласило:

**ЖДЁТ ДЖАКОМОНА ПРИСТУП ТОШНОТЫ —
ПОВСЮДУ ВНОВЬ МЯУКАЮТ КОТЫ.**

Не успели Ромолетта и Кошка Хромоножка уйти, как Калимер помчался домой и с радостью настрочил новое письмо министру.

«Ваше высочайшее превосходительство!
Сиею сообщити вам, что авторы оскорбительных
для нашего короля надписей на стенах противятся
в доме сеньора Кукурузз. Чини являются её
пленницыца Ромолетта и одна из собак, которая
та подбирает, чтобы вопреки всем законам обухить
мешкать. Уверен, что пошлу от вас обещанное
вознаграждение в сто тысяч фальшивых талеров.

Калимер Вексель».

Тем временем на улице Кошка Хромоножка с беспокойством обнаружила, что её правая лапа опять укоротилась на несколько миллиметров.

— Нужно изобрести способ, как писать, не стирая лапу, — сказала она, вздыхая.

— Подожди, — воскликнула Ромолетта, — какая я дура, что сразу не подумала! Я знаю одного художника, который живёт здесь поблизости. Его комната на чердаке и всегда открыта. Он гол как сокол и не боится воров. Пойдём, я тебе покажу дорогу, а потом вернусь домой. Мне не хочется, чтобы тётушка Кукуруза обо мне беспокоилась.

ГЛАВА 8

**БАНАНИТО — МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ,
БРОСИВ КИСТЬ, ХВАТАЕТ НОЖ ОТ СКУКИ.**

Вэтот вечер художник Бананито никак не мог заснуть.

Скорчившись на табуретке, он сидел один-одинёшенек у себя на чердаке, смотрел на свои картины и грустно думал: «Нет, все усилия напрасны. В моих картинах чего-то не хватает. Будь это что-то, они стали бы настоя-

щами шедеврами. Но чего же в них всё-таки недостаёт? Вот в чём вопрос».

В этот момент на его подоконник прыгнула Кошка Хромоножка. Она вскарабкалась вверх по крышам, решив войти через окно, чтобы не беспокоить зря хозяина.

«О, да мы ещё не спим, — мысленно промякала она. — Ну что ж, придётся подождать здесь. Не хочу, чтобы меня считали невежей. Когда Бананито заснёт, я позаимствую у него немного краски, он и не заметит. А пока взгляну-ка я на его картины».

Но то, что она увидела, заставило её остолбенеть.

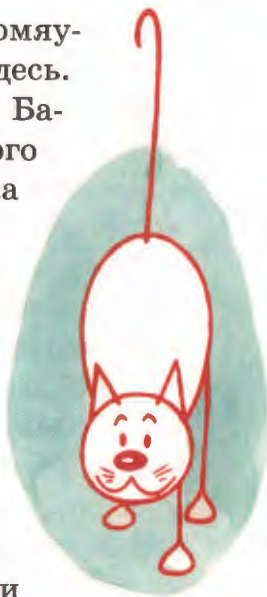
«По-моему, — подумала она, — на картинах всего как-то слишком. Не будь этого, они были бы сносными. Но в чём же тут дело? Слишком много ног. У этой лошади, например, их целых тринадцать. Подумать только! А у меня всего три... И потом, слишком много носов: на этом портрете целых три носа на лице. Не позавидуешь этому синьору — ведь если он простудится, ему понадобится сразу три носовых платка. Посмотрим, художник собирается что-то предпринять...»

Бананито вдруг поднялся со своей табуретки.

«Пожалуй, здесь немного не хватает зелёной краски, — подумал он. — Да, да! Именно зелёной».

Он взял тюбик зелёной краски, выдавил его на палитру и начал наносить зелёные мазки на все картины: лошадиные ноги, три носа, на глаза некой синьоры: их было шесть — по три с каждой стороны.

Потом он отступил на несколько шагов, прищурив глаза, чтобы лучше оценить результаты своей работы.

— Нет, нет, — пробормотал он, — видимо, не в этом дело. Картины нисколько не стали лучше.

Хромоножка со своего наблюдательного пункта не могла слышать этих слов, но она видела, как Бананито грустно поник головой и заскучал.

«Ручаюсь, что он сильно огорчён, — подумала Хромоножка. — Не хотела бы я быть на месте этой синьоры с шестью глазами, ведь если у неё ослабнет зрение, придётся покупать очки с шестью линзами, а они, вероятно, стоят недёшево».

Бананито между тем взял тюбик с другой краской, выдавил её на палитру и снова принялся наносить мазки на свои картины, прыгая по комнате, как кузнечик.

«Да, как раз жёлтая подойдёт, — думал он, — я уверен, что здесь не хватает немного желтизны».

«Всё пропало, — размышляла в это время Хромоножка, — теперь у него получится сплошная яичница».

Но Бананито уже бросил на пол свою палитру и кисть; он с яростью стал топтать ногами и рвать на себе волосы.

«Если он не перестанет, — подумала Хромоножка, — то будет лысым, как король Джакомон. Не попробовать ли мне его успокоить? А вдруг он обидится? К советам кошек никто никогда не прислушивался. Да это и трудно. Ведь почти никто не понимает кошачьего языка».

Бананито наконец сжалился над своими волосами.

— Хватит! — решил он. — Возьму-ка я на кухне нож и изрежу все картины на куски, да на такие мелкие, чтобы из них получились конфетти. Видно, не суждено мне быть художником.

«Кухня» Бананито представляла собой в углу чердака маленький столик, на котором стояли примус, кастрюлька, сковородка и лежало несколько ложек, вилок и ножей. Столик стоял у самого окна, и Хромоножке при-

шлось спрятаться за цветочный горшок, чтобы остаться незамеченной. Впрочем, даже если бы она не спряталась, Бананито всё равно не увидел бы её, потому что глаза его застилали крупные, как орех, слёзы.

«Что же он теперь собирается делать? — размышляла Хромоножка. — Берёт ложку... Ага! Наверное, проголодался. Нет, кладёт ложку обратно и берёт вилку, но, отбросив и её, хватается за нож. Это начинает меня беспокоить. Уж не собирается ли он кого-нибудь зарезать, к примеру, своих критиков? А впрочем, он должен бы радоваться, что его картины так безобразны. Ведь когда они попадут на выставку, люди не смогут сказать правды, все будут твердить, что это настоящие шедевры, и он заработает кучу денег».

Пока Хромоножка предавалась подобным размышлениям, Бананито достал из ящика стола брусок и со скучающим видом принялся точить нож.

— Хочу, чтоб он резал как бритва. Пусть от моих работ и следа не останется, — приговаривал он.

«Видно, он решил убить кого-то, — подумала Хромоножка, — и хочет, чтобы удар был смертельным. Минуточку, а что, если он покончит с собой? Такое преступление было бы ещё ужаснее. Нужно обязательно что-то предпринять. Нельзя терять ни секунды. Если в своё время гуси Рим спасли, то почему бы хромой кошке не спасти отчаявшегося художника?»

И наша маленькая героиня на своих трёх лапах, отчаянно мяукая, смело прыгнула в комнату. В ту же минуту распахнулась дверь, и на чердак ворвался запыхавшийся, потный, покрытый пылью и извёсткой... Угадайте, кто?

— Джельсомино!

— Хромоножка!

— Как я рада, что снова вижу тебя!

— Ты ли это, моя Хромоножка?

— Посчитай, сколько у меня лапок, если сомневаешься.

И на глазах у художника, который, раскрыв рот от изумления, застыл с ножом в руках, Джельсомино и Кошка Хромоножка обнялись и пустились в пляс от радости. О том, почему наш тенор забрался так высоко и почему именно в этот момент он вошёл именно в эту дверь, обо всём этом будет вам подробнейшим образом рассказано в следующей главе.

ГЛАВА 9

**МАЗЕСТРО ДОМИСОЛЬ СТАЛ ПЕРВЫМ ПО ПРАВУ,
КТО ПРЕДСКАЗАЛ ДЖЕЛЬСОМИНО СЛАВУ.**

Джельсомино, как вы, наверное, помните, уснул в подвале на куче угля. По правде говоря, это была не очень удобная постель, но молодёжь ведь не обращает внимания на удобства, и, хотя острые куски угля впивались ему в рёбра, это не мешало Джельсомино крепко спать и видеть сны.

Во время сна он начал напевать. Многие имеют привычку разговаривать во сне, у Джельсомино же была привычка напевать. А проснувшись, он ничего не помнил.

Может быть, его голос проделывал с ним эту шутку, желая отомстить за то длительное молчание, на которое Джельсомино обрекал его днём. Тем самым голос, по-видимому, хотел отыграться за все те случаи, когда его хозяин не разрешал ему вырваться на волю.

Джельсомино напевал во сне вполголоса, но этого было вполне достаточно, чтобы поднять на ноги полгорода. Жители выглядывали из окон и возмущались:

— Куда девалась ночная стража? Это просто невыносимо, неужели никто не может заставить замолчать этого пьяницу?

Ночные сторожа бегали взад и вперёд, но никого не видели на пустынных улицах города.

Проснулся и директор городского театра, живший на другом конце города, километрах в десяти от подвала, где спал Джельсомино.

— Какой изумительный голос! — воскликнул он. — Это настоящий тенор. Однако кто бы мог так петь? Ох, если бы мне удалось заполучить его, мой театр ломился бы от публики. Этот человек мог бы спасти меня.

Действительно, вы должны знать, что муниципальный театр в этом городе переживал кризис — вернее, даже был накануне полного краха.

В Стране лжецов было немного певцов, но они считали своим долгом петь фальшиво. И вот почему: когда они пели хорошо, публика вопила: «Перестань лаять, собака!» А если пели плохо, зрители кричали: «Браво! Брависсимо! Бис!» Певцы, само собой разумеется, предпочитали, чтобы им кричали «браво», и пели плохо.

Директор театра поспешно оделся, вышел на улицу и направился к центру города, откуда, по его мнению, доносился голос. Я не буду вам рассказывать, сколько раз ему казалось, что он напал на верный след.

— Наверняка он находится в этом доме, — говорил он каждый раз, — сомнений быть не может: голос слышится прямо из этого окна на верхнем этаже.

Спустя два часа, полумёртвый от усталости и уже почти готовый отказаться от дальнейших поисков, он набрёл наконец на подвал, где спал Джельсомино. Можете себе представить его удивление, когда при тусклом свете своей зажигалки он увидел, что необыкновенный голос принадлежал юнцу, спавшему на куче угля.

— Если он во сне поёт так хорошо, можно себе представить, как он будет петь наяву, — сказал директор театра, потирая руки. — Этот юноша просто клад и сам, по-видимому, того не знает. Я откопал, как шахтёр, этот клад, и он мне принесёт удачу.

Он разбудил Джельсомино и представился ему:

— Я маэстро Домисоль. Мне пришлось пешком пройти десять километров, чтобы разыскать тебя. Ты обязательно завтра же вечером будешь петь в моём театре. А сейчас вставай, пойдём ко мне домой и устроим пробу.

Джельсомино пытался было отказаться. Он твердил, что ему ужасно хочется спать, но Домисоль тут же пообещал предоставить ему самую удобную двуспальную кровать. Тогда Джельсомино сказал, что никогда не обучался музыке, но маэстро поклялся, что с таким голосом совсем не обязательно знать ноты.

Голос Джельсомино поспешил воспользоваться подвернувшимся случаем. «Смелее, — подстрекал он своего хозяина. — Разве ты не хотел стать певцом? Соглашайся, возможно, это будет началом твоей фортуны».

Маэстро Домисоль положил конец этим пререканиям, схватил Джельсомино за руку и силой потащил его за собой. Придя домой, он сел прямо за пианино и, взяв аккорд, приказал Джельсомино:

— Пой!

— Может, лучше открыть окна? — робко спросил Джельсомино.

— Нет, нет, я не хочу беспокоить людей.

— А что мне петь?

— Пой что хочешь. Ну, например, какую-нибудь песенку из тех, что поют в твоём селе.

И Джельсомино начал петь одну из тех песен, которые слышал в детстве. Он старался петь как можно тише и при этом, не отрываясь, смотрел на стёкла окон, которые сильно дрожали и, казалось, с минуты на минуту готовы были разлететься на куски.

Однако стёкла не вылетали, но зато в начале второго куплета вдребезги разбилась люстра, и в комнате стало темно.

— Замечательно! — воскликнул маэстро Домисоль и зажёл свечу. — Изумительно! Сногшибательно! Вот уже тридцать лет, как в этой комнате поют тенора, и до сих пор ни одному из них не удалось разбить даже чашки от кофейного сервиза.

В конце третьего куплета стёкла в окнах, как Джельсомино и опасался, разбились вдребезги. Маэстро Домисоль вскочил из-за пианино и бросился обнимать его.

— Мальчик мой! — кричал он, плача от восторга. — Вот доказательство, что я не ошибся. Ты будешь самым великим певцом всех времён! Толпы поклонников снимут колёса у твоего автомобиля и понесут тебя как триумфатора на руках.

— Но у меня нет автомобиля, — заметил Джельсомино.

— Ты будешь иметь десятки автомобилей! Каждый день у тебя будет новое авто. Благодарю небо за то, что на твоём пути встретился маэстро Домисоль. А теперь спой-ка мне ещё песенку.

Джельсомино почувствовал некоторое волнение. Ещё бы — первый раз в жизни его хвалили за пение. Он не был тщеславным, но похвала любому приятна. Он охотно спел ещё одну песенку и на этот раз уже не старался так сдерживать свой голос. Он взял всего одну или две высокие ноты, но и этого оказалось достаточно, чтобы произошло настоящее столпотворение.

В соседних домах одно за другим разбивались стёкла, люди испуганно высовывались из окон на улицу и кричали:

— Землетрясение! Помогите! Помогите! Спасайся кто может!

С пронзительным воем промчались пожарные машины. На улицах быстро собрались тол-

пы людей, которые устремлялись за город, неся в руках спящих детей и толкая перед собой тачки с домашним скарбом.

Маэстро Домисоль был вне себя от радости:

— Потрясающе! Феноменально! Неслыханно! — Он осыпал Джельсомино поцелуями, обвязал ему шею тёплым шарфом, чтобы он не простудил горло, а потом пригласил его в столовую и угостил таким обедом, которого, пожалуй, хватило бы, чтобы накормить по крайней мере десяток безработных.

— Кушай, сынок, кушай, — приговаривал он. — Придвинь-ка к себе поближе эту курятину — она помогает лучше брать высокие ноты. А вот эта баранья ножка придаёт особую бархатистость низким нотам. Кушай! С сегодняшнего дня ты мой гость. Ты будешь жить у меня в самой лучшей комнате, все стены которой я прикажу обить войлоком, так что ты сможешь вволю упражняться, и никто тебя не услышит.

Джельсомино, по правде говоря, хотел было кинуться на улицу, чтобы успокоить испуганных жителей или по крайней мере позвонить по телефону пожарным, чтобы они не носились понапрасну по городу. Но маэстро Домисоль отговорил его:

— Не советую этого делать, сынок. Ведь тебе пришлось бы платить за все разбитые стёкла, а у тебя нет ни гроша. Я не говорю уже о том, что тебя могут арестовать, а если ты попадёшь в тюрьму, прощай тогда твоя музыкальная карьера.

— А что, если и в театре мой голос наделает бед?

Домисоль рассмеялся:

— Театры для того и созданы, чтобы певцы могли в них петь. Театры могут выдержать не только сильные голоса, но и разрывы бомб. Теперь отправляйся спать, а я займусь афишей и отдам её поскорее печатать.

ГЛАВА 10

НАШ ГЕРОЙ ЗАПЕЛ СО СЦЕНЫ —
В ТЕАТРЕ РУХНУЛИ ВСЕ СТЕНЫ.

Проснувшись на следующее утро, жители города увидели, что на всех углах расклеены афиши следующего содержания:

СЕГОДНЯ УТРОМ
(А НЕТОЧНО — В 48 ЧАСОВ)
САМЫЙ ЗАХИДАЛЫЙ ТЕНОР
ДЖЕЛЬСОМИНО,
СОБАКА ИЗ СОБАК, ТОЛЬКО ЧТО ВОЗВРАТИВШИЙСЯ ПОСЛЕ
НЕОДНОКРАТНЫХ ПРОВАЛОВ И СВИСТКА, КОТОРЫМ НАГРАДИЛИ
ЕГО В КРИПНЕЙШИХ ТЕАТРАХ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ,
ПЕТЬ НЕ БУДЕТ
В МУНИЦИПАЛЬНОМ ТЕАТРЕ.
ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ПРОСЯТ НЕ ПРИХОДИТЬ.
БИЛЕТЫ ВЫДАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

Разумеется, эту афишу нужно было читать шиворот-навыворот, и все жители города поняли, что она означала как раз обратное тому, что в ней было написано. Под словом «провал» нужно было понимать «успех», а выражение «петь не будет» означало, что Джельсомино именно будет петь в 48 часов, то есть точно в 21 час.

Сказать по правде, Джельсомино не очень хотел, чтобы в афише упоминалось об его поездке в Америку.

— Я ни разу не был в Америке, — протестовал он.

— Вот именно, — возразил ему маэстро Домисоль, — это ложь, и, значит, это как раз к месту. Если бы ты бывал в Америке, нам пришлось бы написать, что ты гастролировал в Азии. Таков закон. Забудь о нём, а помни о пении.

То утро, как наши читатели уже знают, было весьма беспокойным (на фасаде королевского дворца была обнаружена знаменитая фраза, написанная Кошкой Хромоножкой). Во второй половине дня в городе воцарилось спокойствие, и задолго до девяти часов вечера театр, как писали потом газеты, был «безлюден, как пустыня», что означало, что он был битком набит зрителями.

Все пришли в театр в надежде услышать настоящего певца. Недаром маэстро Домисоль для привлечения в театр публики распустил по городу самые невероятные слухи о Джельсомино.

— Не забудьте захватить с собой побольше ваты, чтобы заткнуть уши, — говорили агенты Домисоля, шныряя по городу. — Этот тенор ужасен, он доставит вам адские муки.

— Представьте себе лай десятка бешеных собак, прибавьте к этому хор сотни котов, которым подожгли хвосты, всё это смешайте с воем пожарной сирены и хорошенько встряхните — вы получите нечто похожее на голос Джельсомино.

— Короче говоря, это чудовище?

— Настоящее чудовище! Ему в болоте квакать с лягушками, а не в театре петь. Его следовало бы заставить петь под водой и не давать высовывать голову наружу; пусть тонет, как бешеный кот.

Эти рассказы, как и все рассказы в Стране лжецов, люди понимали наоборот, и поэтому вам понятно, почему театр, как мы уже говорили, задолго до начала концерта был так полон, что яблоку негде было упасть.

Ровно в девять в королевской ложе появился его величество Джакомон Первый, гордо неся на голове свой оранжевый парик. Все присутствовавшие встали, поклонились ему и снова сели, стараясь не смотреть на его парик. Никто не позволил себе сделать даже малейшего намёка на утреннее происшествие, ведь все знали, что театр полон шпионов, готовых записать в свои блокноты разговоры неосторожных людей.

Домисоль, с нетерпением ожидавший приезда короля и наблюдавший за королевской ложей через дырку в занавесе, подал Джельсомино знак, чтобы тот приготовился, а сам спустился в оркестр. По мановению его палочки раздались звуки национального гимна, начинавшегося словами:

*Слава, слава Джакомону,
Всем он счастье нам принёс!
И да здравствует прекрасный
Цвет оранжевых волос!*

Разумеется, никто не позволил себе засмеяться; некоторые утверждают, что Джакомон в этот момент слегка покраснел, но этому трудно поверить, так как на лице Джакомона, стремившегося казаться моложе, в тот вечер лежал густой слой пудры.

Как только Джельсомино появился на сцене, сразу же по сигналу агентов Домисоля в зале раздался свист и слышались крики:

- Долой Джельсомино!
- Убирайся отсюда, собака!
- Катись в своё болото, жаба!

Джельсомино терпеливо выслушал эти и другие подобные выкрики, откашлялся и дождался того момента, когда в зале снова установилась тишина. Затем он начал

петь первую песню из своей программы. Пел он самым нежным голосом, на который только был способен, причём так плотно сжимал губы, что издалека казалось, что он не раскрывал рта. Это была одна из тех песен, которые распевали в его родном селении*. Простая песенка с немного смешными словами, но Джельсомино пел её с таким чувством, что вскоре по всему залу замелькали носовые платки — слушатели не успевали вытирать слёзы. Песенка кончалась на очень высокой ноте, и Джельсомино при этом не только не запел громче, но, наоборот, постарался как можно больше приглушить свой голос. Однако это не помогло, и на галёрке вдруг раздалось звучное «бабах!» — лопнули десятки лампочек, сделанных из тончайшего стекла. Впрочем, этот шум был

* В конце книги даётся подбор песенок Джельсомино (*Прим. автора*).

заглушён страшным ураганом свиста. Зрители, как один вскочив на ноги, орали во всё горло:

— Убирайся вон, шут балаганный!

— Не хотим больше тебя слушать!

— Пой свои серенады китам!

В общем, если бы газеты могли писать правду, мы прочли бы: «Восторг слушателей не знал границ».

Джельсомино раскланялся и начал петь вторую песню. На этот раз, нужно признаться, он немного разошёлся. Песня ему нравилась, пение было его страстью, публика слушала его с восхищением, и Джельсомино, забыв о своей обычной осторожности, взял высокую ноту, которая привела в восторг толпу слушателей, не доставших билеты и стоявших в нескольких километрах от театра.

Он ждал аплодисментов, или, вернее сказать, нового урагана свиста и оскорблений. Вместо этого раздался взрыв смеха, от которого он остолбенел. Казалось, что публика забыла о нём, все повернулись к нему спиной и смотрели, смеясь, в одну точку. Джельсомино тоже взглянул в ту сторону, и от увиденного кровь застыла у него в жилах, а голос застрял в горле. Звуки второй песни не разбили тяжёлых люстр, висевших над партером, но зато получилось гораздо худшее: знаменитый оранжевый парик взлетел на воздух и оголил голову короля Джакомона. Король нервно барабанил пальцами по барьеру своей ложи, стараясь понять причину всеобщего веселья. Бедняга не заметил ничего, и никто не смел сказать ему правду. Все очень хорошо помнили, какая судьба постигла в то утро чрезмерно угодливого придворного, лишившегося своего языка.

Домисоль, стоявший спиной к залу, не мог ничего видеть: он подал Джельсомино знак, чтобы тот начинал петь третью песню.

«Если Джакомон так оскрамлился, — подумал Джельсомино, — нет необходимости, чтобы и меня постигла такая участь. На этот раз я хочу действительно спеть хорошо».

И он запел так прекрасно, с таким вдохновением, запел таким мощным голосом, что с первых же нот весь театр начал постепенно разваливаться. Первыми разбились и рухнули вниз люстры, придавив часть зрителей, не успевших укрыться в безопасное место. Затем обрушился целый ярус лож — как раз тот, в котором находилась королевская ложа, но Джакомон, на своё счастье, уже успел покинуть театр. Дело в том, что он посмотрел на себя в зеркало, чтобы проверить, не надо ли ещё припудрить щёки, и с ужасом заметил, что его парик улетел прочь. Говорят, что в тот вечер по приказу короля отрезали языки всем придворным, которые были вместе с ним в театре и скрывали от него столь прискорбный казус.

Между тем Джельсомино продолжал петь, и вся публика, толпясь, ринулась к выходу. Когда обрушились последний ярус и галёрка, в зале остались только Джельсомино и Домисоль. Первый всё продолжал петь, закрыв глаза, — он забыл, что находится в театре, забыл о том, что он Джельсомино, и думал лишь об удовольствии, которое ему доставляло пение. У Домисоля же, к сожалению, глаза были широко открыты, он видел всё и в отчаянии рвал на себе волосы.

— О боже, мой театр! Я разорён, совсем разорён!

Толпа на площади перед театром кричала на этот раз:

— Браво! Браво!

Причём «браво» кричали с таким выражением, что стражники короля Джакомона переглядывались друг с другом и перешёптывались:

— А ведь ты знаешь, они кричат «браво» потому, что он поёт хорошо, а не потому, что им не нравится его пение.

Джельсомино закончил свою песню высокой нотой, которая перевернула обломки, оставшиеся от театра, и подняла огромное облако пыли. Он увидел, что Домисоль, угрожающе размахивая своей дирижёрской палочкой, пытается пробраться к нему, перелезая через груды кирпича.

«Певца из меня не получилось, — подумал Джельсомино с отчаянием. — Попробую-ка я хоть унести отсюда ноги подобру-поздорову».

Через пролом в стене он выбрался на площадь. Там, закрывая лицо рукавом, он смешался с толпой и, добравшись до пустынной улицы, пустился наутёк с такой быстротой, что рисковал сломать себе ноги на каждом шагу.

Но Домисоль, который не терял его из виду, бросился за ним вдогонку, крича:

— Стой, несчастный! Заплати мне за мой театр!

Джельсомино свернул в переулок, вскочил в первый попавшийся ему подъезд и, задыхаясь, взбежал по лестнице на самый чердак. Там он толкнул дверь и очутился в мастерской Бананито в тот самый момент, когда Кошка Хромоножка прыгнула туда с подоконника.

Глава 11

**СИЛА ТАЛАНТА И ПРАВДА НУЖНА,
ЧТОБ ОЖИЛ ОБРАЗ, СОИДЯ С ПОЛОТНА.**

Бананито так и остался с раскрытым ртом, слушая, как Джельсомино и Кошка Хромоножка наперебой рассказывали друг другу о своих приключениях. В руке у него был нож, но он уже забыл, зачем его взял.

— Что вы хотели ножом делать? — с беспокойством спросила Хромоножка.

— Вот как раз об этом я сам себя спрашиваю, — ответил Бананито.

Но достаточно ему было окинуть взглядом свою комнату, чтобы снова впасть в самое беспросветное отчаяние. Его картины были так же безобразны, как и в девятой главе нашей книги.

— Я вижу, вы художник, — сказал с уважением Джельсомино, который ещё не успел сделать этого открытия.

— Я тоже так думал, — с грустью ответил Бананито, — считая себя художником. Но, пожалуй, лучше сменить ремесло и выбрать такое занятие, где с кистями и красками как можно меньше придётся возиться. Например, стану могильщиком и буду иметь дело только с чёрным цветом.

— Но и на кладбище есть цветы, — заметил Джельсомино. — На земле ничего нет сплошь чёрного и только чёрного.

— А уголь? — сказала Хромоножка.

— Но ведь если его зажечь, то он горит красным, белым и голубым пламенем.

— А чёрные чернила? Они чёрные — и всё тут.

— Но чёрными чернилами можно написать красочные и затейливые истории.

— Сдаюсь, — сказала Хромоножка. — Как хорошо, что я не поспорила на одну лапу, а то осталась бы теперь с двумя.

— Что же делать — постараюсь найти себе какое-нибудь занятие, — вздохнув, сказал Бананито.

Пройдясь по комнате, Джельсомино остановился перед портретом человека с тремя носами, который вызвал удивление Хромоножки.

— Кто это? — спросил Джельсомино.

— Один очень важный придворный.

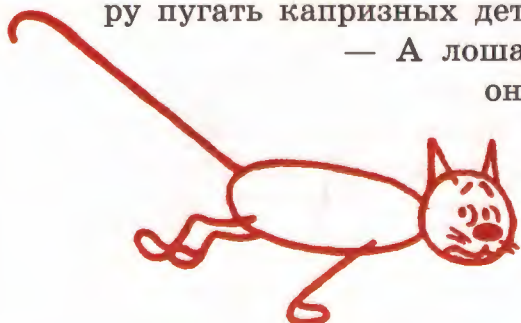
— Счастливец! С тремя-то носами он должен все запахи чувствовать в три раза сильнее.

— О, это целая история. Когда он поручил мне сделать его портрет, то настаивал, чтобы я нарисовал ему обязательно три носа. Мы без конца спорили. Я хотел нарисовать, как подобает, один. Потом я предложил ему в крайнем случае примириться на двух носах. Но он заупрямился. Или три носа, или не надо портрета. И видите, что получилось? Какое-то страшилище, которым впо-ру пугать капризных детей.

— А лошадь, — спросил Джельсомино, — она из дворцовой конюшни?

— Лошадь? Разве вы не видите, что это корова?

Джельсомино почесал за ухом.

— Может быть, это корова, но мне сдаётся, что это лошадь. Вернее, она смахивала бы на лошадь, будь у неё четыре ноги, а у неё их все тринадцать. Тринадцать ног хватило бы, чтобы нарисовать три лошади, и ещё одна нога про запас.

— Но у коров тринадцать ног, — заспорил Бананито. — Это знает каждый школьник.

Джельсомино и Хромоножка, вздохнув, переглянулись и прочли в глазах друг у друга одну и ту же мысль: «Если бы это была кошка-врунишка, то мы бы её научили мяукать. А вот чему можно научить этого несчастного?»

— По-моему, — сказал Джельсомино, — картина стала бы куда красивее, если убрать несколько ног.

— Ещё чего! Все будут смеяться надо мной, а критики предложат засадить меня в сумасшедший дом. Теперь я вспомнил, зачем взял нож. Я хотел порезать на куски все мои картины и сделаю это немедленно.

Художник вновь схватил нож и с угрожающим видом приблизился к картине, на которой в неописуемом беспорядке были нагромождены тринадцать ног лошади, именуемой им коровой. Он поднял руку, чтобы нанести первый удар, но потом как будто передумал.

— Труд стольких месяцев! — вздохнул он. — Как тяжело уничтожать его собственными руками.

— Вот замечательные слова, — сказала Хромоножка. — Когда я заведу себе записную книжку, я запишу их, чтобы не забыть. Но прежде чем разрезать на куски картину, почему бы вам не прислушаться к совету Джельсомино?

— Ну конечно! — воскликнул Бананито. — Что я теряю? Порезать картину я всегда успею.

И он ножом ловко соскоблил часть краски, пока не исчезли пять из тринадцати ног.

— Мне кажется, что стало уже лучше, — подбадривал его Джельсомино.

— Тринадцать минус пять будет восемь, — сказала Кошка Хромоножка. — Если бы на картине были изображены две лошади, то как раз бы подошло. Извините, я хотела сказать: две коровы.

— Ну что же, стереть ещё несколько ног, а? — спросил Бананито. И, не дожидаясь ответа, он соскоблил ещё пару ног.

— Горячо... горячо... — подбадривала Кошка Хромоножка, — мы уже почти у цели.

— Ну, как теперь?

— Оставьте только четыре ноги, посмотрим, что получится.

Когда же осталось четыре ноги, то послышалось радостное ржание, и в тот же миг лошадь с картины спрыгнула на пол и прошлась лёгкой рысью по комнате.

— Чёрт возьми, уф, как здорово! Я начинаю себя чувствовать гораздо лучше. Там, на картине, мне было ужасно тесно.

Пройдясь перед маленьким зеркалом, висевшим на стене, она оглядела себя с ног до головы и удовлетворённо заржала:

— Какая красивая лошадь! Я действительно красивая лошадь! Синьоры, не знаю, как вас и благодарить. Если вам придётся побывать в моих краях, я вас лихо прокачу, с ветерком!

— В каких краях? Эй, стой, остановись! — закричал Бананито.

Но лошадь была уже за дверью на лестнице. Послышался цокот её четырёх копыт, когда она спускалась с этажа на этаж, и вскоре наши друзья смогли увидеть из окна, как гордое животное пересекло переулок и направилось за город.

Бананито весь покрылся потом от волнения.

— В конце концов, — произнёс он, когда пришёл в себя, — это действительно была лошадь. Раз она сама это сказала, я должен ей верить. Подумать только, что в школе, показывая её на картинке, меня учили произносить букву К. Ко-ро-ва!

— Дальше, дальше, — настаивала, мяукая, Хромоножка, охваченная энтузиазмом, — перейдём к другой картине.

Бананито перешёл к верблюду со множеством горбов. Их было столько, что они напоминали барханы в пустыне. Он начал соскабливать горбы, и наконец их осталось только два.

— Получается хорошо, — говорил он, лихорадочно работая. — Оказывается, недурна и эта картина. Как вы думаете, в конце концов и она оживёт?

— Да, если будет достаточно красива, — сказал Джельсомино.

Но ничего не произошло. Верблюд невозмутимо и равнодушно оставался на холсте, как будто ничего его не касалось.

— Хвосты! — закричала вдруг Кошка Хромоножка. — У него их три! Хватит на целое верблюжье семейство.

Когда лишние хвосты тоже исчезли, верблюд торжественно сошёл с холста, облегчённо вздохнув, и бросил благодарный взгляд в сторону Хромоножки:

— Как хорошо, что ты напомнила про хвосты! Я рисковал навсегда остаться на этом чердаке. Не знаете ли, есть здесь поблизости пустыни?

— Одна, в центре города, — сказал Бананито, — это городская пустыня, но в это время она закрыта.

— Он хочет сказать, городской сад, — объяснила верблюду Хромоножка. — Настоящие пустыни находятся не

ближе чем за две-три тысячи километров отсюда. Но старайся не попасться на глаза полиции, иначе тебя упрячут в зоопарк.

Прежде чем уйти, верблюд также посмотрелся в зеркало и нашёл, что он красив. Вскоре он тоже лёгкой рысью пробежал переулок. Увидевший его ночной сторож не поверил своим глазам и принялся сильно щипать себя, чтобы проснуться.

— Видно, я старею, — решил он, когда верблюд скрылся за поворотом. — Я засыпаю теперь даже во время дежурства, и мне снится, что я в Африке. Нужно быть внимательнее, не то меня уволят.

А Бананито теперь не остановили бы ни угроза смерти, ни анонимные письма. Он бросался от одной картины к другой, скобля ножом и радостно крича:

— Вот это настоящая хирургия! Я больше сделал операций за десять минут, чем профессора в больнице за десять дней.

Картины, когда они очищались от лжи, которой были переполнены, становились поистине прекрасными, правдивыми и оживали. Собаки, овцы, козы прыгали с полотен и шли бродить по свету в поисках счастья или только мышей, если это были кошки. Бананито порезал на кусочки одну только картину. Это был портрет придворного, который хотел иметь три носа. Была серьёзная опасность. Ведь оставшись с одним носом, придворный, пожалуй, тоже сойдёт с холста и задаст нагоняй художнику за то, что тот ослушался его приказаний. Джелесомино помог ему нарезать из портрета конфетти.

А Хромоножка тем временем принялась бродить взад и вперёд, что-то разыскивая. Но её разочарованный вид ясно показывал, что её постигла неудача.

— Лошади, верблюды, придворный, — ворчала она себе под нос, — и ни одной корочки сыра. Даже мыши и те стараются быть подальше от чердака. Никому не нравится запах нищеты. Голод хуже, чем яд.

Шаря в тёмном углу, она нашла покрытую пылью картину. На обратной стороне её обосновалась сороконожка, которая, почуяв опасность, шмыгнула в сторону на своих сорока ножках. Их на самом деле было сорок, так что Бананито никого бы не обидел, если бы ошибся в счёте.

Картина изображала нечто такое, что при очень большом воображении могло сойти за накрытый стол. Например, на блюде угадывалось ужасное животное, которое, пожалуй, могло быть жареной курицей, будь у него только две ножки. Но у него их было столько, что оно казалось сродни сороконожке.

«Вот картина, которую я не прочь увидеть в жизни, какая она есть, — подумала Кошка Хромоножка. — Курица с двадцатью лапками. Какое удобство для семьи, хозяина таверны или голодной кошки! Большую часть лапок необходимо будет убрать. Но ничего, останется достаточно, чтобы перекусить втроём».

Она поднесла картину Бананито и попросила его пустить в ход свой нож.

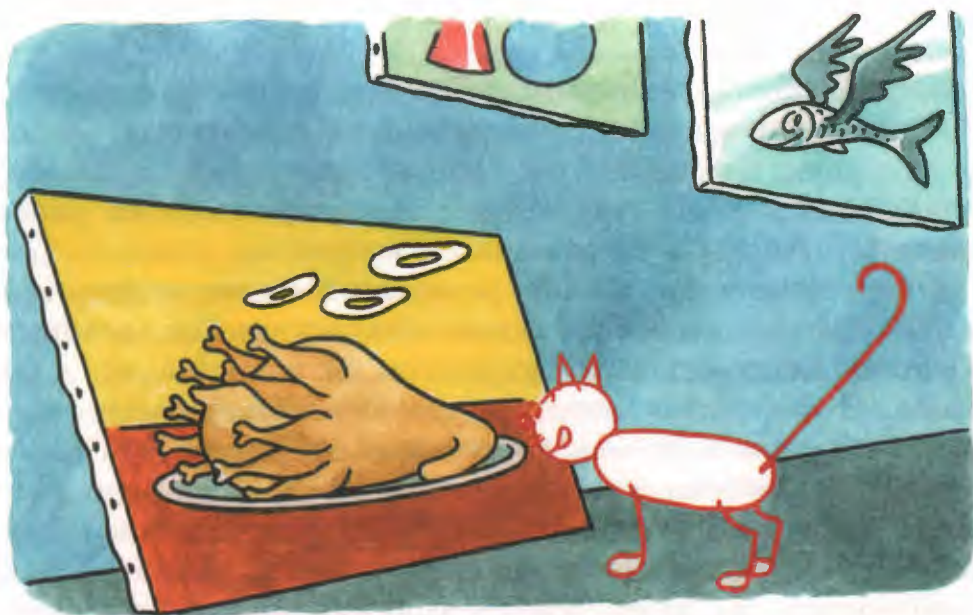
— Но ведь курица жареная, — возразил Бананито, — она никак не сможет стать живой!

— А нам и нужна жареная, а не живая, — ответила Кошка Хромоножка.

На это замечание художник не нашёл что сказать. К тому же он вспомнил, что, поглощённый своими картинами, не ел с прошлого вечера.

Курица не ожила, но всё равно сошла с холста, дымящаяся и такая ароматная, как будто её только что сняли с плиты.

— Как художник ты, безусловно, добьёшься успеха, — сказала Хромоножка, жадно впиваясь зубами в крылышко (две ножки она оставила для Джельсомино и Бананито), — но как повар ты уже побил все рекорды.

— Хорошо бы запить курицу чем-нибудь, — заметил Джельсомино, принимаясь за еду, — но сейчас, вероятно, закрыты все магазины. Впрочем, если бы они и были открыты, не всё ли нам равно, ведь у нас нет денег.

Тут Кошку Хромоножку осенила мысль, и она сказала Бананито:

— А почему бы тебе не нарисовать сейчас бутылку вина для себя, а нам с Джельсомино шипучего апельсинового сока?

— Попробую, — ответил художник. — Но я тоже хочу апельсиновый сок.

И он нарисовал в порыве охватившего его вдохновения большую бутылку прохладного сока оранжевого цвета. Сок так заманчиво шипел в бутылке, что если бы

Джельсомино не зажал вовремя пальцем горлышко, то, бьющий с холста сильной струёй, залил бы весь пол.

Три друга выпили за живопись, за прекрасное пение и за кошек. Однако, когда произносился последний тост, Хромоножка вдруг загрустила. Пришлось долго её упрашивать, чтобы она рассказала, что у неё на душе.

— В конце концов, — решила она заговорить, — я кошка не настоящая, вроде тех животных, которые полчаса назад были на картинах. У меня только три лапы. И я даже не могу сказать, что четвертую я потеряла на войне или мне её отрезало трамваем. Это была бы ложь. Вот если бы Бананито...

Но этих слов было достаточно. Художник взялся уже за кисть и в один миг нарисовал кошачью лапу, которая понравилась бы даже Коту в сапогах. И, что самое интересное, лапа сразу же правильно приросла к нужному месту, и Хромоножка вначале робко, а потом всё более уверенно принялась ходить по комнате.

— Ах, как прекрасно! — мяукала она. — Я себя чувствую совсем другой. Я настолько изменилась, что хотела бы даже переменить имя.

— Ну и голова! — воскликнул, однако, Бананито, стукнув себя по лбу. — Я тебе пририсовал лапу масляными красками, а ведь остальные у тебя нарисованы мелом.

— Ничего страшного, — сказала Кошка Хромоножка, — пусть остаётся всё как есть. И горе тому, кто тронет новую лапу! Я оставляю также и своё старое имя. Если вдуматься хорошенько, оно мне очень подходит. Ведь от писания на стенах у меня стёрлась передняя правая лапа по крайней мере на полсантиметра.

В эту ночь Бананито решил во что бы то ни стало уступить свою кровать Джельсомино, а сам улёгся на полу на куче старых холстов. Кошка Хромоножка удобно устроилась в кармане пальто Бананито, висевшего у двери, и видела сны один слаще другого.

ГЛАВА 12

**ЧИТАЯ ГАЗЕТУ «ОБРАЗЦОВЫЙ ЛЖЕЦ»,
КОШКА ХРОМОНОЖКА РАССТРОИЛАСЬ ВКОНЕЦ.**

Рано утром, вооружившись кистью, холстом и вдохновением, Бананито вышел из дому. Ему не терпелось показать своё мастерство. Джельсомино ещё спал, и Кошка Хромоножка вышла проводить художника и по дороге дала ему несколько хороших советов:

— Рисуй цветы и продавай их. Я уверена, что ты вернёшься домой с ворохом фальшивых денег, которые необходимы в этой необычной стране. Рисуй те цветы, которые в этом месяце ещё не распускались, потому что сезонные цветы люди могут купить у цветочниц. И вот ещё один совет: не рисуй мышей, иначе насмерть перепугаешь женщин. Говорю тебе для твоей же пользы. Меня же мыши вполне устраивают.

Расставшись с Бананито, Кошка Хромоножка купила газету, думая, что Джельсомино будет приятно узнать, что пишут о его концерте. Газета называлась

„ОБРАЗЦОВЫЙ ЛЖЕЦ“

и, разумеется, вся была полна лживых сообщений или фактов, пересказанных шиворот-навыворот.

В газете, например, была заметка, озаглавленная

«КРУПНАЯ ПОБЕДА БЕГУНА ПЕРСИКЕТТИ».

Вот текст этого сообщения:

«Известный чемпион по бегу в мешках Флавио Персикетти победил вчера на десятом этапе в беге вокруг королевства, опередив на двадцать минут Ромоло Барони, пришедшего вторым, и на тридцать

минут пятнадцать секунд Пьеро Клементини, оказавшегося третьим. В группе бегунов, прибывших через час после победителя, перед самым финишем вырвался вперёд Паскуаллино Бальзимелли».

«Что же здесь странного? — спросите вы. — Бег в мешках — это же спортивное состязание, как и всякое другое. На него даже интереснее смотреть, чем на мотоциклетные или автомобильные гонки». Согласен, но читатели газеты «Образцовый лжец» отлично знали, что никакого бега в мешках никогда не происходило. И Флавио Персикетти, Ромоло Барони, Пьеро Клементини, Паскуаллино Бальзимелли и группа бегунов никогда в жизни не влезали в мешки, и им даже не снилось обгонять друг друга или перед самым финишем вырываться вперёд. Вот как обычно обстояло дело. Ежегодно газета устраивала бега в мешках по этапам, в которых

никто никогда не участвовал. Некоторые честолюбцы, желая увидеть своё имя в газетах, платили за своё участие в беге и каждый день вносили некоторую сумму денег, чтобы считаться победителем. Кто вносил больше, тот и провозглашался очередным победителем. Газета не скупилась на слова, прославляя его, и называла то «героем», то «бегуном высшего класса» и т. д. Победа находилась в прямой зависимости от поступления денежных взносов. В те же дни, когда поступления были незначительные, газета в отместку писала, что команда дремала в пути, а первоклассные бегуны и рядовые спортсмены бездельничали. Это позор. И чемпионам Персикетти и Барони придётся приналечь на следующем этапе, если они дорожат расположением зрителей.

Синьор Персикетти был владельцем кондитерских фабрик, и его имя, напечатанное в газете, служило рекламой для его пирожных. Поскольку он был очень богат, то почти всегда обгонял других и приходил первым. На финише его «целовали и воздавали ему почести»,

а по ночам болельщики исполняли серенады под окнами его дома.

Так, во всяком случае, писала газета. И нет нужды говорить о том, что болельщики, которые не умели играть даже на барабане, преспокойно похрапывали в своих постелях.

На этой же странице Кошка Хромоножка прочла ещё один заголовок:

«НЕ ПРОИЗОШЛО НИКАКОЙ КАТАСТРОФЫ НА УЛИЦЕ КОРНЕЛИЯ. ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК НЕ ПОГИБЛИ, А ДЕСЯТЬ ДРУГИХ НЕ ПОЛУЧИЛИ НИ МАЛЕЙШЕГО РАНЕНИЯ».

В заметке говорилось:

«Вчера вечером на десятом километре улицы Корнелия два автомобиля, шедших на большой скорости в разных направлениях, вовсе не столкнулись. В несостоявшемся столкновении не погибло пять человек (следуют имена). Другие десять человек не получили ранений, и поэтому не было никакой необходимости помещать их в больницу (следуют имена)». К сожалению, это был не вымысел, а сообщение шиворот-навыорот, в котором с точностью

передавалось как раз обратное тому, что произошло в действительности.

Таким же образом сообщалось и о концерте Джельсомино. В заметке, например, писалось, что известный тенор молчал от первой до последней минуты концерта. В газете была также помещена фотография разрушенного театра, под которой было написано: «Как может видеть читатель своими ушами, с театром не произошло решительно ничего».

Джельсомино и Хромоножка вдоволь позабавились, читая газету «Образцовый лжец». В ней была и литературная страница, на которой было напечатано такое стихотворение:

Как-то повар из Вероны
Поболтать решил с вороной:
«Ах, какая благодать
Полный рот камней набрать,
И как здорово потом
Зубы чистить молотком!»

— Здесь не сказано, что ответила ворона, — заметила Хромоножка. — Но я представляю себе, её карканье, наверное, было слышно от Апеннин до самых Анд.

На последней странице в конце последней колонки была короткая заметка, озаглавленная «Опровержение». Джельсомино прочёл её:

«Самым решительным образом опровергается, что сегодня в три часа ночи полиция арестовала в Колодезном переулке синьору Кукурузу и её внуку Ромолетту. Разумеется, они не были помещены около пяти часов утра в сумасшедший дом, как кое-кому хотелось бы этого.

Подпись: начальник полиции».

— Начальник лжецов! — воскликнула Хромоножка. — Это означает, что бедняжки действительно сидят за решёткой с сумасшедшими. Я почти уверена, что всё это произошло по моей вине.

— Посмотри-ка, — прервал её Джельсомино, — читай вот здесь. Ещё одно опровержение.

Теперь шла речь непосредственно о самом Джельсомино:

«Совершенно не соответствует действительности, что полиция якобы разыскивает известного тенора Джельсомино. Для этого нет никаких причин, потому что Джельсомино совсем не обязан отвечать за ущерб,

нанесённый им городскому театру. Поэтому, кто бы ни узнал, где скрывается Джельсомино, пусть не заявляет об этом полиции, иначе он получит строгий нагоний».

— Дело осложняется, — заметила Хромоножка. — Тебе лучше сидеть дома, а я пойду и узнаю новости.

Джельсомино не хотелось спокойно сидеть сложа руки, но ему всё же пришлось согласиться, ибо Хромоножка была права. Отпустив её, он улёгся на кровать и, набравшись терпения, приготовился провести, бездельничая, весь день.

ГЛАВА 13

ЕСТЬ ЗАКОН В СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ:
КТО НЕ ВРЁТ, ТОТ НЕЗДОРОВ.

Мы расстались с тётушкой Кукурузой как раз в тот момент, когда, стоя в дверях, она услышала первое мяуканье своих котят. При этом она чувствовала себя счастливой, как музыкант, нашедший неизданную симфонию Бетховена, пролежавшую много лет в ящике стола. С Ромолеттой мы распрощались, когда она побежала домой, показав Кошке Хромоножке, как пройти на чердак к художнику Бананито. А через некоторое время тётушка и племянница уже спокойно спали в своих постелях, не подозревая, что письма Калимера привели в движение всю полицейскую машину. В три часа ночи несколько винтиков этой адской машины пришли в движение и в лице взвода жандармов без лишних слов ворвались в дом, заставили старую тётушку и девочку наспех одеться и отвезли их в тюрьму.

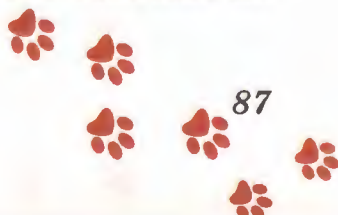
Старший жандарм, передав арестованных начальнику тюрьмы, хотел было снова отправиться спать, но не учёл, что его коллега был формалистом и педантом.

— Чем провинились эти двое?

— Старуха учила собак мяукать, а девочка писала на стенах. Эти двое опасные преступницы. На твоём месте я посадил бы их в подземелье и поставил усиленную стражу.

— Сам знаю, что мне делать, — буркнул начальник тюрьмы. — Ну а теперь послушаем, что они нам скажут.

Первой допрашивали тётушку Кукурузу. Арест не испугал её. Теперь, когда её семь котят снова обрели способность мяукать, как им подобает, ничто не могло омрачить её настроения. Поэтому она спокойно отвечала на все вопросы.

— Нет, это были не собаки, а кошки.

— В протоколе записано, что это были собаки.

— Да нет же, это были кошки! Из тех, что ловят мышей.

— Но ведь именно собаки ловят мышей.

— Нет, сударь, кошки. И мяукают кошки. Мои кошки лаяли, как все кошки нашего города. Но вчера, к счастью, они впервые замяукали.

— Да эта женщина сумасшедшая! — сказал начальник тюрьмы. — Её место в доме умалишённых. Короче говоря, сударыня, что вы тут нам сказки рассказываете?

— Я правду говорю, только правду.

— А, ну тогда всё ясно! — воскликнул начальник тюрьмы. — Она просто буйнопомешанная. Я не могу принять её — это тюрьма для нормальных людей. Умалишённых нужно отправлять в сумасшедший дом.

И, несмотря на протесты начальника жандармов, который видел, как разлетаются в прах его надежды хорошенько выспаться, начальник тюрьмы поручил ему тётушку Кукурузу, и всё дело. Потом он приступил к допросу Ромолетты:

— Это ты писала на стенах?

— Да, истинная правда, я писала.

— Слышал? — воскликнул начальник тюрьмы. — И она не в себе. Послать в сумасшедший дом. Забирайка девчонку и оставь меня в покое. Мне некогда возиться с сумасшедшими.

Позеленев от злости, начальник жандармов посадил двух арестованных обратно в машину и отвёз в сумасшедший дом, где их сразу приняли и поместили в большую палату вместе с другими ненормальными людьми, то есть с теми, которых полиция арестовала за то, что они говорили правду.

Однако на этом события той ночи не закончились. И действительно, знаете, кто ожидал начальника жандармов, когда тот наконец вернулся в свой кабинет? Калимер Вексель со шляпою в руке и самой гадкой улыбкой на продолговатом лице.

— А вам что нужно?

— Ваше превосходительство, — пролепетал Калимер, кланяясь и заискивающе улыбаясь, — я пришёл, чтобы получить сто тысяч фальшивых талеров. Вознаграждение причитается мне, потому что благодаря моим заслугам арестованы враги нашего государства.

— А, значит, это вы писали письма, — сказал задумчиво начальник жандармов. — Но правда ли всё то, что вы там написали?

— Ваше превосходительство, — воскликнул Калимер, — клянусь, чистейшая правда!

— А-а! — воскликнул, в свою очередь, начальник жандармов, и лицо его озарилось коварной улыбкой. — Он утверждает, что говорит правду. Так вот, дружок, я уже и раньше чувствовал, что вы не в своём уме, но сейчас вы мне это сами доказали. Марш в сумасшедший дом!

— Ваше превосходительство, смилуйтесь! — завопил Калимер и, бросив свою шляпу на землю, стал в отчаянии топтать её ногами. — Неужели вы причините мне такую несправедливость! Я друг лжи, я же писал об этом в своём письме.

— Разве правда, что вы друг лжи?

— Правда! Сущяя правда! Клянусь вам!

— Вот вы и снова попались, — торжествующе сказал начальник жандармов. — Уже два раза вы поклялись мне, что говорите правду. Хватит разговоров! В сумасшедшем доме у вас будет время, чтобы успокоиться. А пока вы явно буйнопомешанный, и, если вы останетесь на свободе, это будет угрозой общественному порядку.

— Вы хотите присвоить моё вознаграждение! — вопил Калимер, пытаясь вырваться из рук жандармов.

— Слышите? Не иначе как у него начался приступ. Наденьте на него смирительную рубашку и заткните ему рот кляпом. Что же касается вознаграждения, то даю слово, что вам не достанется ни гроша до тех пор, пока у меня будут карманы, чтобы надёжно хранить ваши деньги.

Так Калимер тоже попал в сумасшедший дом, где его заперли в одиночную камеру, обитую войлоком, как буйнопомешанного.

Начальник жандармов совсем было собрался отправиться на боковую, но в это время из разных концов города начали раздаваться тревожные звонки:

— Алло, полиция? Здесь у нас в окрестностях какая-то собака мяукает. Может быть, она бешеная. Пришлите кого-нибудь.

— Алло, полиция? Чем занимаются собачники? Около нашего подъезда какая-то собака мяукает уже с полчаса. Если её завтра утром не уберут отсюда, никто не выйдет из дома, боясь быть укушенным.

Начальник жандармов сейчас же вызвал собачников, разбил их на отряды, приставил к ним лучших жандармов и разослал по всему городу на поиски «мяукающих собак». Иначе говоря, как читатель уже понял, семи котят тётушки Кукурузы.

Не прошло и получаса, как был пойман самый маленький котёнок. Он так увлёкся мяуканьем, что не заметил, как его окружили. Увидев вокруг себя столько народу, он решил, что все собрались его поздравить, и замяукал ещё с большим старанием. Один из собачников приблизился к нему с дружеской улыбкой, погладил несколько раз по спине, а потом решительно схватил за шкурку и опустил в свой мешок.

Второй из семи котят был схвачен в то время, когда, вскарабкавшись на седло конной статуи, мяукал, обращаясь с речью к небольшой группе котов. Коты слушали его с мрачным и ироническим видом, а когда увидели, что он пойман, разразились ужасным лаем.

Третьего котёнка обнаружили, когда тот сцепился с собакой.

— Чего это ты мяукаешь, глупая? — спросил котёнок.

— А что же я, по-твоему, должна делать? Я кошка, вот и мяукаю, — ответила собака.

— Я вижу, ты окончательно поглупела. Ты что, никогда не видела себя в зеркале? Ты собака и должна лаять. А я кот, и мне полагается мяукать. Вот послушай! Мяу, мяу, мяу-у!

В общем, дело кончилось ссорой, и собачники недолго думая поймали обоих, но потом собаку отпустили, потому что она имела право мяукать. Затем изловили четвёртого, пятого и шестого котёнка.

— Ну а теперь остался всего один, — говорили друг другу собачники и жандармы, утешая себя, чтобы побороть усталость.

Каково же было их удивление, когда после долгих поисков они наткнулись не на одного, а на целых двух мяукающих котов!

— Их стало больше, — заметил один из стражников.

— Наверное, это очень заразно, — добавил собачник.

Один из этих котов был седьмой котёнок из семейства Кукурузы, другой же был всего-навсего тот Барбос, которого мы с вами уже встречали в одной из первых глав. Он, поразмыслив как следует, пришёл к выводу, что Кошка Хромоножка, пожалуй, была до некоторой степени права, когда посоветовала ему мяукать. Он попробовал как-то последовать её совету и потом уже не мог больше лаять, даже если бы ему и захотелось.

Барбос, не сопротивляясь, дал себя поймать. Седьмой котёнок, самый старший из всей компании, был настолько ловок, что успел вскарабкаться на дерево и, сидя там, довольно долго развлекался, мяукая лучшие арии кошачьего репертуара и приводя этим в бешенство своих преследователей.

Посмотреть на этот необычайный спектакль собралась большая толпа, и, как обычно бывает, зрители разделились на два лагеря. Одни — благонамеренные — поддерживали стражников, призывая их положить конец этому безобразию. Другие — шутники, а может быть, и не только шутники — «болели» за кота и подбадривали его, крича:

— Мяу! Мяу!

МЯУ!
МЯУ!

Собрались там в большом количестве и коты, которые лаяли на своего коллегу отчасти из зависти, отчасти по злобе. Время от времени некоторые из них, поддавшись заразе, тоже начинали мяукать. Собачники сразу же набрасывались на смельчаков и засовывали их в свои мешки.

Пришлось вызвать пожарных и поджечь дерево, чтобы заставить слезть упрямого кота, продолжавшего мяукать. Таким образом, толпа смогла насладиться также зрелищем небольшого пожара, и все, довольные, разошлись по домам.

Мяукавших котов оказалось в результате штук двадцать. Всех их отвезли в сумасшедший дом, ведь по-своему они говорили правду, а следовательно, были ненормальными котами. Директор сумасшедшего дома не знал, куда их разместить. После долгих раздумий он велел отправить всех в палату к Калимеру Векселю. Можете себе представить, как был доволен доносчик этой компанией, напоминавшей ему о причине его несчастья! Ему показалось, что он тоже кот, и он начал мяукать и мурлыкать. А когда неосторожная мышь попробовала перебежать палату, он первым набросился на неё. Но мышь успела ускользнуть в дырку, оставив свой хвост в зубах у Калимера.

Кошка Хромоножка собрала все эти сведения и уже возвращалась домой, чтобы сообщить Джельсомино, когда услышала, как хорошо знакомый ей голос тенора вдруг запел одну из тех знаменитых песенок, что часто распевали в его родном селении и принесли ему столько горестей.

«На этот раз, — подумала Кошка Хромоножка, — я могу спорить на все четыре лапы, считая новую, что Джельсомино заснул и видит сон. Если я не потороплюсь, полицейские опередят меня».

Возле дома она увидела большую толпу слушателей. Никто не двигался с места, никто не разговаривал. И даже когда в соседних домах порой вылетали стёкла, никто не протестовал. Казалось, что чудесное пение околдовало всех. Хромоножка заметила в толпе двух молодых полицейских, у которых на лицах было написано восхищение, как у всех других слушателей. Вам уже известно, что полиции был дан приказ арестовать Джельсомино, но эти двое как будто и не имели такого намерения. К сожалению, к дому в это время подошёл целый отряд полицейских. Их начальник хлыстом прокладывал себе дорогу в толпе: он, по-видимому, был туговат на ухо, и пение Джельсомино не трогало его.

Хромоножка бегом поднялась по лестнице и молнией влетела на чердак.

— Вставай! Вставай! — кричала она и хвостом щекотала нос Джельсомино. — Концерт окончен! Идёт полиция!

Джельсомино открыл глаза, изо всех сил стал тереть их и спросил:

— Где я?

— Могу сказать тебе, куда ты скоро попадёшь — в каталажку, если мы не удерём сейчас же.

— Что, я снова пел?

— Пошли, бежим по крышам!

— Ты рассуждаешь как кошка. Я не привык прыгать по черепицам.

— Крепче держись за мой хвост!

— А куда мы пойдём?

— Во всяком случае, как можно дальше отсюда. И уж куда-нибудь мы придём.

Хромоножка первой выскочила через чердачное окно на крышу, и Джельсомино ничего не оставалось, как закрыть глаза, чтобы не закружилась голова, и последовать за ней.

ГЛАВА 14

**О ТОМ, ПОЧЕМУ БЕНВЕНУТО
НЕ ДОЛЖЕН СИДЕТЬ НИ МИНУТЫ.**

К счастью, в этом районе дома теснились друг к другу, как селёдки в бочке, и Джельсомино, подбадриваемый Хромоножкой, без труда перепрыгивал с крыши на крышу. Самой Хромоножке хотелось, чтобы расстояние между крышами было чуточку пошире, — вот тогда она смогла бы всласть напрыгаться. Но вдруг Джельсомино поскользнулся и упал на маленький балкон, где какой-то старичок поливал цветы.

— Простите меня, пожалуйста! — воскликнул Джельсомино, потирая ушибленное колено. — Я совсем не собирался попасть к вам в дом таким способом.

— Прошу вас, не извиняйтесь, — ответил вежливо старичок. — Я счастлив, что вы навестили меня. Скажите лучше, не ушиблись ли вы? Надеюсь, всё у вас в целости?

Кошка Хромоножка заглянула с крыши и промяукала:

— Разрешите войти?

— О, ещё один посетитель! — сказал обрадованный старичок. — Заходите, заходите, я буду очень рад.

С каждой минутой колено Джельсомино распухало всё больше и больше.

— Мне ужасно жаль, — продолжал старичок, — что у меня нет ни одного стула, чтобы вы могли сесть.

— Положим его на кровать, — предложила находчиво Хромоножка, — если вы, конечно, не возражаете.

— Беда в том, — сказал старичок с огорчением, — что у меня даже кровати нет. Пойду попрошу у соседа кресло.

— Нет, нет, — поспешно сказал Джельсомино, — я могу посидеть и на полу.

— Заходите в комнату, — предложил старичок, — располагайтесь на полу, а я пока сварю вам крепкий кофе.

Комната была небольшая, но чистенькая, с красивой полированной мебелью. Здесь стояли стол, буфет, шкаф, а стульев и кровати и в помине не было.

— Неужели вам приходится быть всё время на ногах? — спросила Хромоножка.

— Да, поневоле, — ответил старичок.

— И вы никогда не спите?

— Иногда сплю стоя, но очень редко. Не больше двух часов в неделю.

Джельсомино и Кошка Хромоножка понимающе переглянулись, как бы говоря: «Вот ещё один мастер рассказывать небылицы».

— Извините меня за любопытство, а сколько вам лет? — спросила опять Хромоножка.

— Точно не скажу. Я родился десять лет назад, но сейчас мне примерно семьдесят пять или семьдесят шесть лет.

По выражению лиц своих собеседников старичок, по-видимому, понял, что они никак не могли поверить этому. Вздохнув, он продолжал:

— Это не ложь. К сожалению, невероятная, но правдивая история. Если хотите, я расскажу вам её, пока варится кофе.

Моё имя, — начал он, — Бенвенуто, что означает, как известно, «Благорождённый». Но обычно меня зовут «Бенвенуто — Не сидящий ни минуты».

Итак, Бенвенуто родился в семье старьевщика. Такого резвого и живого ребёнка ещё никому не доводилось видеть. Действительно, не успели ещё ему придумать имени, а он уже выпрыгнул из пелёнок и начал скакать по всему дому. Вечером его преспокойно укладывали спать, а наутро оказывалось, что кровать стала ему мала и ноги торчат наружу.

— Видно, он торопится вырасти, чтобы скорее помогать семье, — говорил его отец.

По вечерам, когда его укладывали спать, всё было в порядке, а наутро видели, что одежда не годится, ботинки жмут, а рубашки и вовсе не налезают.

— Ничего, — говорила его мать, — к счастью, в доме старьевщика тряпья всегда найдётся. Я сошью ему новую рубашку.

Через неделю Бенвенуто вырос настолько, что соседки начали поговаривать: не пора ли отдать его в школу?

Жена старьевщика отвела сына к учителю, который не на шутку рассердился:

— Почему вы не удосужились привести его в начале учебного года? Ведь скоро Пасха, как же я могу принять его?

Когда мать объяснила, что Бенвенуто всего семь дней от рождения, учитель ещё больше вышел из себя:

— Семь дней? Здесь, синьора, вам не ясли! Приходите через шесть лет, и тогда мы с вами поговорим.

Однако в конце концов он оторвался от классного журнала и увидел, что Бенвенуто был даже выше ростом, чем все его ученики. Он усадил его за последнюю парту и начал объяснять, что дважды два — четыре.

В полдень зазвенел звонок, все школьники вскочили со своих мест и выстроились в ряд, чтобы выйти из класса. Только Бенвенуто не двигался с места.

— Бенвенуто, — окликнул его учитель, — становись и ты в ряд!

— Не могу, синьор учитель.

И правда, с восьми часов утра до двенадцати дня он так вырос, что парта стала ему мала. Пришлось позвать школьного сторожа, чтобы тот помог Бенвенуто вылезти.

На следующее утро его посадили за парту побольше, но в полдень Бенвенуто снова не мог встать, потому что и эта парта оказалась ему мала. Он был похож на

мышь, попавшую в мышеловку. Пришлось позвать плотника, чтобы тот разобрал парту.

— Завтра мы возьмём парту из пятого класса, — сказал учитель, почёсывая затылок.

И он велел принести в класс одну из самых больших парт.

— Ну а теперь как?

— Очень удобно, — радостно сказал Бенвенуто.

И для того чтобы доказать, что ему действительно удобно, он несколько раз вставал и снова садился за парту. Но когда в полдень прозвенел звонок, то и эта парта оказалась настолько мала, что снова не обошлось без плотника.

Директор школы и мэр города начали протестовать:

— Что же это такое, синьор учитель? Может быть, вы разучились поддерживать дисциплину в классе? Парты у вас в этом году ломаются, как щепки. Вам нужно повнимательнее следить за вашими сорванцами, мы не можем покупать каждый день по новой парте.

Старьёвщику пришлось отвести сына к лучшему врачу города и рассказать ему, как обстояло дело.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал врач, нацепив очки, чтобы лучше видеть.

Он измерил Бенвенуто вдоль и поперёк.

— А теперь садись, — сказал он ему потом.

Бенвенуто сел на стул, доктор подождал минутку и приказал ему:

— Вставай!

Бенвенуто поднялся со стула, и доктор снова измерил ему рост и объём груди.

— Гм, — заметил он, протирая очки платком, чтобы удостовериться, что они не обманывают его, — сядь-ка снова.

Он несколько раз заставлял Бенвенуто вставать и садиться и, наконец, в заключение сказал:

— Случай очень интересный. У этого мальчика новая болезнь, которая до сих пор ни у кого не встречалась. Болезнь проявляется следующим образом: когда мальчик сидит, он необыкновенно быстро стареет — для него минута равняется целому дню. Как его лечить? Он должен быть всегда на ногах, иначе за несколько недель он превратится в старичка с седой бородой.

После заключения врача жизнь Бенвенуто в корне изменилась. В школе для него сделали специальную парту — без сиденья, чтобы у него не было соблазна сесть. Дома ему теперь приходилось есть стоя. Достаточно ему было примоститься у печки, как сейчас же раздавались голоса:

— Послушай, ты что, желаешь состариться раньше времени?

— Вставай, вставай, хочешь, чтобы у тебя поседели волосы?

«Но спал же он на кровати?» — спросите вы. Ни о какой кровати он и помышлять не мог, если не хотел проснуться с седой бородой. Бенвенуто пришлось научиться стоя спать, как лошадь. Вот почему соседские кумушки прозвали его «Бенвенуто — Не сидящий ни минуты», и это прозвище осталось за ним на всю жизнь. В один печальный день отец-старьевщик тяжело заболел и был при смерти.

— Бенвенуто, — сказал он сыну перед тем, как навсегда закрыть глаза, — теперь тебе придётся помогать матери. Она старая и не может работать. Займись каким-нибудь честным делом. К тому же работа тебе не составит труда. Работая, ты навсегда останешься молодым, ведь тебе некогда будет даже присесть.

На следующий день после похорон отца Бенвенуто отправился на поиски работы, но все только поднимали его на смех:

— Работу тебе, сынок? Ты что же думаешь, что мы в куклы или бирюльки здесь играем? Ты ещё не дорос, да и слишком молод, чтобы работать на фабрике.

— Ты хочешь работать? Да нас оштрафуют, если мы примем тебя на работу — детский труд запрещён.

Бенвенуто не спорил с ними, но упорно обдумывал тем временем, как выкрутиться из этой беды.

Он пошёл домой, сел перед зеркалом и стал ждать.

— Доктор говорил, что если я буду сидеть, то быстро состарюсь. Посмотрим, прав ли он...

Через несколько минут он заметил, что стал расти — ботинки становились тесными. Он снял их и принялся рассматривать свои ноги, которые прямо на глазах удлинялись. Потом снова взглянул в зеркало и сначала очень удивился:

— Интересно, кто этот юноша с чёрными усами, который смотрит на меня? Сдаётся мне, что я знаю его, как будто я уже где-то видел это лицо... — Наконец он догадался и расхохотался: — Да ведь это я сам! Действительно, я быстро вырос. Ну а теперь пора стать на ноги, что-то не хочется мне стареть.

Можете себе представить, как изумилась его мать, увидев перед собой высокого широкоплечего юношу с усами, как у жандарма, да вдобавок говорящего басом.

— Бенвенуто, сынок, как ты изменился!

— Всё к лучшему, мама. Вот увидите, теперь я смогу работать.

И, оставив все поиски работы, он вытащил из сарая отцовскую тележку и пошёл бродить по улицам города, распевая:

— Старьё берём, старьё берём!

Услышав его звучный голос, выглянули из своих дверей соседские кумушки.

— Какой красивый юноша! Откуда вы? — спрашивали они.

— Бенвенуто — Не сидящий ни минуты! Неужели это вы?

— Я, тётушки. Не сомневайтесь. Я заснул, сидя на стуле, и проснулся с усами.

Так Бенвенуто начал работать. Все любили его. Всегда на ногах, всегда в движении, всегда готовый помочь другим, всегда занятый каким-нибудь делом, он не мог не нравиться. Однажды его даже хотели сделать мэром города.

— Нам нужен именно такой человек, как ты, который не очень-то засиживался бы в своём кресле...

Но Бенвенуто отказался от этого предложения.

Через несколько лет умерла его мать. «Теперь я остался один-одинёшенек, — подумал Бенвенуто. — Сидеть без дела я всё равно не могу, ведь тогда быстро состарюсь. Пойду-ка я лучше поброжу да посмотрю, что нового в свете». Сказано — сделано. Взял он тележку со всем тряпьем и пошёл бродить по свету. Он мог идти целыми днями и ночами — поэтому много видел и беседовал с разными людьми.

— Какой вы симпатичный юноша! — часто говорили ему. — Присядьте с нами на минутку, поговорим немного.

— Поговорить можно и стоя, — отвечал Бенвенуто.

Так он ходил-бродил и совсем не старился. Как-то, проходя мимо одной бедной лачуги, он увидел зрелище, от которого у него сжалось сердце, — в постели лежала больная женщина, а рядом на полу сидела куча ребятишек, заливавшихся плачем один громче другого.

— Эй, юноша, — обратилась к нему женщина, завидев его. — Если вы не заняты, зайдите сюда на минутку. Я не могу двинуться с места, чтобы успокоить детей, а каждая слеза для меня — нож острый.

Бенвенуто вошёл в комнату, взял на руки одного из ребятишек и, расхаживая с ним взад и вперёд по комнате, убаюкал его. Таким же образом он успокоил и остальных. Только самый маленький никак не умолкал.

— Присядьте на минутку, — попросила его женщина, — и подержите его на руках. Если вы сядете, он сразу заснёт.

Бенвенуто подошёл к печке, сел на стоящий там табурет, и ребёнок сразу перестал плакать. Это был на редкость красивый мальчуган; когда он улыбался, вся комната казалась привлекательной. Каких только гримас не строил ему Бенвенуто, чтобы заставить его засмеяться, а потом даже спел ему песенку, и ребёнок в конце концов заснул.

— Благодарю вас от всего сердца, — сказала женщина. — Если бы не вы, я готова была покончить с собой, так я отчаялась.

— О, не говорите таких вещей даже в шутку, — заметил Бенвенуто.

Уходя, он случайно посмотрел в зеркало на стене и увидел, что у него появился седой волос.

«А ведь я совсем забыл, что, когда сижу, быстро старею», — подумал Бенвенуто. Но тут же расправил плечи, взглянул в последний раз на спящих детей и пошёл своей дорогой.

В другой раз, проходя ночью по улице небольшого селения, он заметил свет в одном окошке. В комнате за прялкой сидела девочка. Работая, она горько вздыхала.

— Что с вами? — спросил её Бенвенуто.

— Да вот уже три ночи, как я не сплю. Мне нужно кончить работу к завтрашнему дню, если я этого не сделаю, мне не заплатят ни гроша, и моей семье придётся голодать. К тому же у меня могут тогда отобрать прялку. А я бы сейчас, кажется, всё на свете отдала, лишь бы поспать хоть полчаса.

«Полчасика — это всего тридцать минут, — подумал Бенвенуто, — пожалуй, тридцать минут мог бы я и поработать за девочку».

— Послушайте, — сказал он, — ложитесь-ка спать, я заменю вас, мне очень хочется попробовать посидеть за этой прялкой. Она такая красивая и так здорово работает. А через полчасика я вас разбуджу.

Девочка прилегла на лавку и сразу уснула, как котёнок. Бенвенуто сел за прялку, да так и не решился разбудить девочку, потому что каждый раз, когда он подходил к ней, ему казалось, что ей снятся прекрасные сны.

И вот стало рассветать, взошло солнце и разбудило девочку.

— Боже мой, я проспала всю ночь, а вы работали!

— Ничего, ничего, очень интересно поработать.

— Да вы ведь всю голову себе запылили!

«Как знать, на сколько лет я постарел сегодня?» — подумал Бенвенуто. Но он не испытывал при этом огорчения, он успел кончить работу, порученную девочке, лицо которой теперь так и сияло от радости.

В другой раз Бенвенуто встретил несчастного старика, которому пришло время умирать.

— Какая жалость, — говорил, вздыхая, старик, — какая жалость, мне приходится отправляться на тот свет, не сыграв ни с кем партии в шахматы. Все мои друзья умерли раньше меня.

— Ну, если дело только в этом, — сказал Бенвенуто, — в шахматы умею играть и я.

Они принялись за игру. Бенвенуто начал было играть стоя, но старик упрекнул его:

— Ты вот стоишь и стоишь у меня над душой. Ты обязательно хочешь выиграть и пользуешься тем, что я несчастный старик?

Бенвенуто уселся на стул, да так и не встал до конца игры. Он был настолько растерян, что путал фигуры, и старик выиграл партию. Он радостно потирал руки, как мальчишка, который лазил в чужой сад за грушами, и не безуспешно.

— Сыграем ещё, — предложил старик весело.

Бенвенуто подумал было встать со стула, ведь он отнимал у него дни, месяцы, а может быть, и годы жизни. Но ему не хотелось огорчать беднягу.

Он продолжал сидеть, поиграл во второй, а потом и в третий раз. Старик, казалось, помолодел от радости.

— Его годы перешли ко мне, — вздохнул Бенвенуто, смотрясь в зеркало, висевшее в комнате старика.

Волосы Бенвенуто побелели, словно покрылись снегом.

— Ну ничего. Кто знает, сколько лет старик мечтал выиграть хоть одну партию.

И так всякий раз, когда, желая помочь кому-нибудь, нашему Бенвенуто приходилось садиться, волосы у него седели. Потом и спина начала гнуться, точь-в-точь как

деревья под порывами ветра. Да и глаза уже не видели так зорко, как прежде.

Бенвенуто — Не сидящий ни минуты становился всё старше, и в конце концов у него не осталось ни одного тёмного волоса. Те, кто хорошо его знал, говорили:

— Какая была тебе выгода делать добрые дела? Если бы ты думал о себе, ты и сейчас прыгал бы, как воробышек.

Но Бенвенуто — Не сидящий ни минуты был другого мнения. Каждый его седой волос напоминал ему о каком-нибудь хорошем поступке. Зачем же ему раскаиваться?

— Ты бы мог сохранить свою жизнь для самого себя, вместо того чтобы раздавать её всем понемногу, — говорили ему соседки-кумушки.

Но Бенвенуто, улыбаясь, качал головой и думал, что каждый седой волос дарил ему нового друга, тысячи и тысячи друзей, рассеянных по всему свету. А у вас много друзей? Вам хотелось бы иметь их такое множество? А?

К тому же, бродя повсюду, Бенвенуто никогда не уставал, хотя ему теперь и приходилось опираться на палку да и частенько останавливаться, чтобы передохнуть. Так, странствуя, он попал в Страну лжецов, где, подобно отцу, стал старьёвщиком и тем зарабатывал себе на жизнь.

— Вы побывали в стольких странах, — возразила, прервав его рассказ, Хромоножка, — неужели вы не могли выбрать себе места получше?

Бенвенуто — Не сидящий ни минуты улыбнулся:

— Как раз здесь люди и нуждаются в помощи. Это, безусловно, самая несчастная страна на земле, а значит, самое подходящее для меня место.

— Вот он, правильный путь! — воскликнул Джельсомино, слушавший со слезами на глазах рассказ старика. —

Теперь я знаю, что мне делать с моим голосом. Вместо того чтобы ездить по всему свету и всё разрушать, я постараюсь, чтобы мой голос служил на радость людям.

— Это тебе будет нелегко, — заметила Хромоножка. — Например, если ты примешься напевать колыбельную песню детям, ты помешаешь им спать.

— Но иногда можно сделать доброе дело и разбудив людей, которые спят, — ласково ответил Бенвенуто.

— Я решу эту задачу, — сказал Джельсомино, ударив кулаком об пол.

— А пока, — заметила Хромоножка, — тебе нужно вылечить коленку.

И действительно, коленка у Джельсомино всё больше распухала, и он не мог уже ни стоять, ни ходить. Решено было оставить его до выздоровления в доме Бенвенуто.

К тому же Бенвенуто — Не сидящий ни минуты никогда не спал и мог присматривать за Джельсомино ночью, чтобы он не запел во сне и вновь не привлёк внимания полиции.

ГЛАВА 15

**У АРЕСТАНТА АППЕТИТ ВЗЫГРАЛ,
И ОН ГЛАЗУНЬЮ НАРИСОВАЛ.**

Бананито — и вы это сразу вспомните, сделав хоть самое маленькое усилие, — вышел из дому рано утром в поисках счастья. Никакого определённого плана у него не было — просто ему очень хотелось сделать что-нибудь и показать людям своё мастерство.

Город ещё только просыпался. Дворники поливали улицы из шлангов и перекидывались шутками с рабочими,

которые ехали на заводы на велосипедах и то и дело рисковали принять холодный душ.

Это был весёлый и безоблачный час, и Бананито, остановившись посреди тротуара, почувствовал, как в голове у него, словно цветы, расцвели прекрасные мысли. Он даже ощущал их запах, словно вокруг него прямо на тротуаре неожиданно распустились миллионы фиалок.

— А ведь это замечательная идея! — неожиданно решил он.

И, не сходя с места, прямо у ворот фабрики, возле которой очутился в тот момент, он пристроился на тротуаре, вынул из коробки цветные мелки и начал рисовать. Несколько рабочих сразу обступили его.

— Бьюсь об заклад, — сказал один из них, — что он, как всегда, нарисует парусный корабль или святого с нимбом на голове. Только где же собака с шапкой в зубах, которая собирает обычно милостыню?

— А я слышал о таком случае, — сказал другой. — Как-то раз один художник нарисовал на земле красную черту, а все стояли и ломали себе голову, пытаясь разгадать, что это значит.

— Ну и что же оказалось?

— Спросили художника, и он ответил: «Да вот хочу посмотреть, сможет ли кто-нибудь пройти под чертой, а не по черте». А потом нахлобучил шляпу и ушёл. Наверное, у него не все дома.

— Но этот-то не помешанный, — заметил кто-то. — Вы посмотрите, что он делает!

Бананито, не поднимая головы, рисовал с такой быстротой, что глаза не успевали следить за движением его руки. И на тротуаре словно оживала его недавняя мечта — вырастала пышная клумба фиалок. Правда, это был рисунок, но такой красивый, что в конце концов в воздухе на самом деле разлился аромат фиалок.

— Мне кажется, — прошептал один из рабочих, — что я чувствую запах фиалок.

— Называй их лучше кабачками, — заметил его товарищ, — если не хочешь, чтобы тебя упекли в тюрьму. Впрочем, ты прав, запах чувствуется.

Вокруг Бананито воцарилось полное молчание. Слышно было только, как мелок тихонько царапал по тротуару, и с каждым новым фиолетовым штрихом аромат фиалок становился всё сильнее. Рабочие были потрясены. Они перекладывали из одной руки в другую свёртки с завтраком, делали вид, что проверяют, в порядке ли шины у велосипедов, но не пропускали ни одного движения Бананито и с удовольствием вдыхали запах, радовавший их сердца.

Раздался гудок, но никто из рабочих не двинулся с места, чтобы пойти на фабрику. Слышались возгласы: «Вот молодчина!» Бананито поднял глаза и встретился со взглядами своих зрителей. В этих взглядах он прочёл такое восхищение, что даже смутился. Поспешно собрав свои мелки, он пошёл прочь.

Один из рабочих догнал его:

— Что же ты делаешь? Почему удираешь? Ещё минута, и мы отдали бы тебе все деньги, которые у нас были с собой. Мы никогда не видели таких прекрасных рисунков.

— Спасибо, — пробормотал Бананито, — спасибо.

И перешёл на другую сторону улицы, чтобы побыть одному.

Сердце у него билось так сильно, что было видно, как куртка в этом месте приподнималась, словно там был спрятан котёнок. Художник был по-настоящему счастлив!

Долго он бродил по городу, и его охватило подлинное вдохновение. Тогда он присел на корточки на тротуаре, на том самом месте, где эта мысль пришла ему в голову, и снова начал рисовать.

Есть всегда прохожие, у которых только и дела, что разгуливать то по одной, то по другой улице, — прохожие по призванию, а может быть, просто безработные. И вот снова вокруг Бананито собралась группа зрителей.

— Посмотрите только, какой оригинал — рисует кота. Если кому-нибудь захочется посмотреть на кота, то их и так достаточно в нашем городе.

— Это не простой кот, — весело ответил Бананито.

— Слышали? Он рисует не простого кота, наверное, кота в очках.

Разговоры сразу же, словно по волшебству, прекратились, когда собака, нарисованная Бананито, едва он дорисовал ей хвост, вскочила на все четыре лапы и радостно залаяла. В толпе раздались возгласы удивления, и немедленно к месту происшествия прибежал полицейский.

— Что такое? Что здесь происходит? А, вижу, вижу! Вернее, слышу: лающая кошка. Мало нам мяукающих собак! Чья это кошка?

Толпа быстро рассеялась — никому не хотелось отвечать на этот вопрос. Только один бедняга, стоявший рядом с полицейским, не смог удрать, так как полицейский крепко ухватил его за руку.

— Кошка вон его, — прошептал он, указывая на Бананито.

Полицейский отпустил его и схватил Бананито:

— Эй ты, следуй за мной!

Бананито не заставил себя долго просить. Он положил мелки в карман и последовал за полицейским, не теряя хорошего расположения духа. Собака же, задрав хвост трубой, убежала по своим делам.

Бананито посадили в одиночную камеру, где он должен был ждать, когда начальник полиции соизволит допросить его.

Но у Бананито руки просто чесались от желания работать. Он нарисовал птичку и пустил её летать, но птичка не захотела улетать от него — она села ему на плечо и стала ласково поклёвывать его в ухо.

— Понятно, — сказал Бананито, — ты голодна.

И он быстро нарисовал несколько зёрен проса. Это ему напомнило, что он ещё не завтракал.

— Мне хватит яичницы из двух яиц. Неплохо бы съесть ещё большой спелый персик.

Он нарисовал то, что ему было нужно, и вскоре запах яичницы распространился по комнате, проник за дверь и защекотал ноздри часового.

— Гм... какая прелесть! — сказал парень, жадно втягивая носом воздух, чтобы не упустить этого благоухания.

Но потом у него возникло подозрение. Он приоткрыл «глазок» в двери и заглянул в камеру. Увидев заключённого, который с аппетитом уплетал яичницу,

он остолбенел, и в этой позе, с выражением изумления на лице, его застал начальник полиции.

— Вот это здорово! — закричал тот вне себя от возмущения. — Это просто замечательно! Кажется, мы носим заключённым кушанья из ресторана!

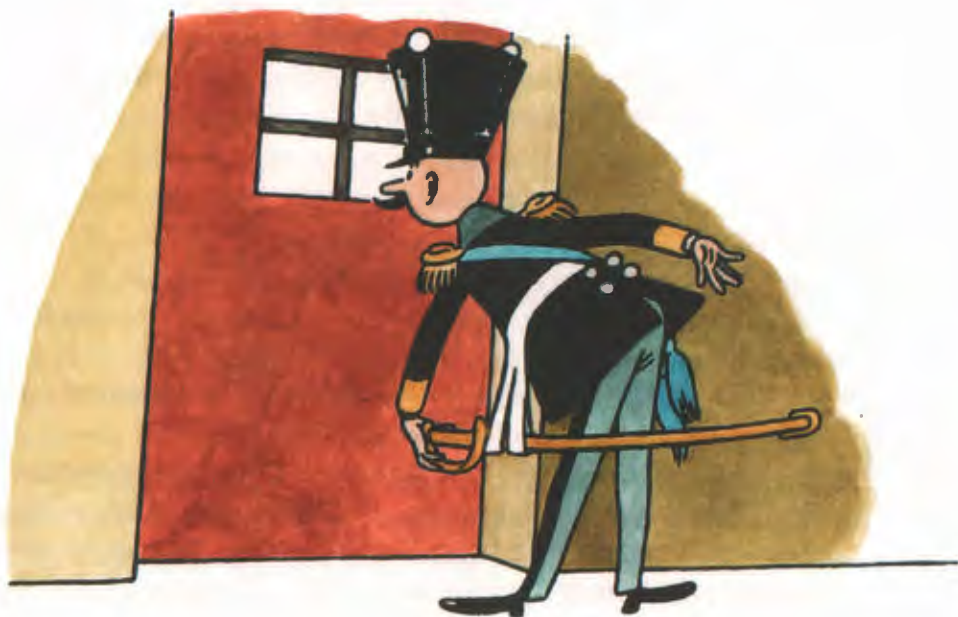
— Я не... я не... — пробормотал, заикаясь, охранник.

— Ты что, устава не знаешь? Хлеб и вода, вода и хлеб, и больше ничего!

— Я не знаю, как это получилось, — сумел наконец проговорить охранник. — Может быть, он принёс яйца в кармане?

— Ну хорошо, а плита? Я вижу, что в моё отсутствие у вас появились новшества: камеры с кухней.

Войдя в камеру, начальник полиции воочию убедился, что там не было никакой плиты. К тому же Бананито, чтобы не накликать беду на охранника, решил сам признаться, как он раздобыл себе завтрак.

— Ты что, меня дураком считаешь? — сказал начальник, выслушав его с недоверием. — А что ты будешь делать, если я прикажу тебе нарисовать мне камбалу в белом вине?

Бананито, не говоря ни слова, взял листок бумаги и нарисовал заказанное ему кушанье.

— С петрушкой или без петрушки? — спросил он, рисуя.

— С петрушкой, — приказал, посмеиваясь, начальник. — Ты действительно принял меня за круглого дурака. Когда кончишь, я заставлю тебя проглотить весь этот листок бумаги до последнего клочка.

Но когда Бананито кончил рисовать, с листа бумаги пошёл аппетитный запах камбалы под белым соусом, и через несколько мгновений перед вытаращенными от удивления глазами начальника на столе появилось дымящееся блюдо, которое, казалось, так и говорило: милости просим, попробуйте нас!

— Приятного аппетита, — сказал Бананито. — Кушать подано.

— Мне что-то расхотелось есть, — пробормотал начальник, приходя в себя от изумления. — Камбалу съест охранник. А ты пойдёшь со мной.

ГЛАВА 16

**БАНАНИТО МИНИСТРОМ СТАНОВИТСЯ,
НО ХУДОЖНИКУ НЕ ПОЗДОРОВИТСЯ.**

Начальник полиции не был глупым человеком. Напротив, он был большим хитрецом.

«Этот чудак, — рассуждал он, препровождая Бананито в королевский дворец, — стоит столько золота, сколь сам весит, а может быть, и больше. А раз у меня имеется довольно вместительный сейф, то почему бы мне

не спрятать туда несколько килограммов золота? Там его никто не тронет, и оно будет защищено от мышей. Король наверняка щедро меня наградит».

Однако он обманулся в своих надеждах. Узнав о случившемся, король Джакомон приказал доставить к нему художника.

Холодно распрощавшись с начальником полиции, он сказал ему:

— Вы получите за ваше открытие медаль за особые заслуги.

— А что я буду с ней делать, с этой медалью? — ворчал себе под нос начальник полиции. — У меня их уже двадцать четыре штуки. И все из картона! Будь у меня колченогие столы, я бы мог под них подкладывать эти медали, чтобы они не шатались.

Но пусть он ворчит себе и идёт своей дорогой. А мы лучше посмотрим, как проходила встреча Бананито с королём Джакомоном.

Художник без всякого волнения предстал перед всемогущим королём. Он спокойно отвечал на вопросы, не переставая любоваться прекрасным оранжевым париком, который сиял у короля на голове, как корзина с апельсинами, выставленная на рынке.

— Что это вы так разглядываете?

— Я люблюсь вашими волосами, ваше величество.

— А вы могли бы нарисовать такие же?

Джакомон втайне надеялся, что Бананито сможет нарисовать ему прямо на лысине настоящие красивые волосы, которые не нужно будет, ложась спать, снимать и класть на ночной столик.

— Такие красивые, конечно, не смогу, — ответил Бананито, думая этим ответом доставить удовольствие королю.

В глубине души ему было жаль беднягу, которому лысина доставляла столько огорчений. Ведь много людей

стригутся совсем наголо, чтобы не нужно было причёсываться. Да и судят о людях не по цвету волос. И будь у Джакомона даже свои собственные красивые волосы, тёмные и вьющиеся, всё равно он остался бы жуликом и бандитом, каким его все знали.

Вздохнув, Джакомон решил отложить на время идею украсить свою лысину волосами. Но зато решил использовать талант Бананито, чтобы войти в историю как великий король.

— Я произведу тебя в министры зоопарка, — сказал он художнику. — Зоопарк есть, да вот зверей-то в нём нет. Ты их и должен будешь нарисовать. И прошу тебя, чтобы всякого зверя было в достатке.

«Лучше быть министром, чем сидеть в тюрьме», — подумал Бананито. И до наступления вечера он на глазах у тысячи зрителей нарисовал и сделал живыми сотни животных различных видов и пород. Тут были львы, тигры, крокодилы, слоны, попугаи, черепахи, пеликаны. И собаки. Да, да, даже собаки: мастины, сторожевые, борзые, шпицы, таксы, которые подняли громкий лай, к великому недовольству придворных.

— Что же с нами теперь будет, если его величество разрешает собакам лаять? — ворчали они. — Это же противозаконно! Имея перед глазами дурной пример, людям придут в голову опасные мысли.

Но Джакомон приказал не мешать Бананито и позволить ему делать всё, что он только захочет. Таким образом, придворным пришлось подавить своё возмущение, проглотить его и переварить.

По мере того как Бананито рисовал, звери занимали в клетках свои места. Так, в бассейне очутились белые медведи, тюлени, пингвины, а на аллеях зоопарка появились сардинские ослики с повозками для катания ребятишек.

В этот вечер Бананито не смог вернуться ночевать к себе на чердак. Король предоставил ему комнату во дворце и поставил перед дверью десяток часовых, боясь, как бы художник не сбежал.

На следующий день в зоопарке нечего было делать, и Бананито назначили министром продовольственных товаров, или, как тогда говорили, первым писчебумажником государства. Ему приготовили стол и всё необходимое, чтобы он рисовал перед входом во дворец, и люди могли обратиться к нему с просьбой и получить всё, что им только захочется поесть.

Вначале кое-кто остался разочарованным. Если у Бананито просили чернил, что означало хлеб на языке лжецов, он рисовал пузырьёк с чернилами и тут же говорил:

— Дальше, следующий.

— А на что мне чернила? — ворчал неудачник. — Не могу же я их пить или есть.

Но скоро люди поняли, что если хочешь получить что-нибудь у Бананито, нужно называть вещи своими именами, несмотря на строгий запрет.

Возмущению придворных не было предела.

— Дела идут всё хуже и хуже, — шипели они, позеленев от злости. — Это не приведёт нас к добру. Никто не будет больше врать. Что же такое стряслось с королём Джакомоном?

А король Джакомон всё ждал и никак не мог набраться духа и попросить Бананито нарисовать ему настоящие волосы, чтобы носить их на голове, не боясь ветра. Пока же он позволял художнику делать всё, что тому заблагорассудится, и не потерпел бы в этом случае никаких возражений.

Придворные были недовольны, глотая горькие пилюли, от которых у них вспухли животы.

Генералам тоже приходилось несладко.

— Вы только посмотрите, — говорили они. — Вот наконец нам попался нужный тип, этот художник, и что же мы позволяем ему делать: яичницу, цыплят табака, чипсы, шоколадки? Пушки следовало бы делать, пушки! Мы смогли бы снарядить непобедимую армию и расширить королевство!

Самый воинственный генерал пошёл и прямо поговорил об этом с Джакомоном. Старый пират при этом разговоре почувствовал, как у него кровь закипает в жилах.

— Пушки! — воскликнул он. — Великолепно, пушки! Ну и корабли, самолёты, дирижабли! Немедленно позвать ко мне Бананито, Вельзевул бы подрал!

Уже давно приближённые Джакомо не слышали, чтобы он упоминал рогатого Вельзевула. А это было его любимое ругательство в те времена, когда он, стоя на капитанском мостике своего корабля, держал речь перед шайкой пиратов, прежде чем послать их на абордаж.

Раздача продуктов была тут же прекращена. И Бананито предстал перед королём и его генеральным штабом. По стенам были развешаны большие географические карты, а слуги уже принесли коробку с флажками, чтобы отмечать места будущих побед.

Бананито очень спокойно, никого не прерывая, выслушал все пламенные речи. Но когда ему дали бумагу и карандаш, чтобы он сразу же принялся на свой лад создавать пушки, он посередине листа крупно написал печатными буквами «НЕТ» и прошёлся с листом по всему залу, чтобы убедиться, что все его прочли.

— Синьоры мои, — сказал он им, — если желаете хорошего кофе, чтобы прочистить себе мозги, я готов приготовить его менее чем за одну минуту. Если каждому из вас захочется иметь по лошади для охоты на

НЕТ!

лисиц, я вам нарисую чистокровных рысаков. Но о пушках придётся вам забыть. От меня вы их не получите никогда!

Тут началось настоящее столпотворение. Все разом принялись кричать и бить кулаками по столу. А Джакомон, чтобы не причинить себе боли, подозвал слугу и хватил его со всей силы кулаком по спине.

— Голову, голову, — слышались крики, — отрубить ему голову!

— Поступим так, — произнёс наконец Джакомон, — однако, вместо того чтобы отрубить ему голову, дадим ему время одуматься. Мне кажется, коль скоро этот художник гениальный, он не совсем нормален. Посадим его на несколько дней в сумасшедший дом.

Придворные подняли ропот, считая, что приговор слишком мягкий. Но быстро умолкли, зная нрав Джакомона.

— Пока же, — продолжал Джакомон, — ему не разрешается рисовать ни карандашами, ни красками.

Так Бананито тоже оказался в сумасшедшем доме, где его поместили в одиночную камеру. Ему не разрешили взять с собой ни бумаги, ни красок, ни кистей. В камере не было ни кусочка кирпича или хотя бы мела. Пожалуй, только кровью можно было рисовать на обитых войлоком стенах. Бананито пришлось волей-неволей примириться с мыслью, что создавать новые шедевры пока ему не удастся.

Он растянулся на нарах, положив руки под голову, и уставился глазами в свежесмытый потолок. Перед ним проносились пёстрой чередой прекрасные видения. Это были картины, которым он даст жизнь, когда вырвется отсюда. А в том, что он вырвется отсюда, он не сомневался ни минуты.

И он был прав, потому что кое-кто уже старался выручить его. Имя этого спасителя у вас уже вертится на кончике языка: ну конечно, наша Кошка Хромоножка.

ГЛАВА 17

ЖЕРТВУЯ ЛАПЫ, КОШКА ХРОМОНОЖКА УЗНИКА СПАСАЕТ ЧЕРЕЗ ОКОШКО.

Когда в доме Бенвенуто — Не сидящего ни минуты, где Джельсомино лечил разбитое колено, стало известно, что художник сделался министром, Кошка Хромоножка решила пойти к нему и подать прошение об освобождении тётушки Кукурузы и Ромолетты. К сожалению, она явилась во дворец, когда счастливая звезда Бананито уже закатилась быстрее, чем луна на ущербе.

— Если хочешь увидеть Бананито, — сказали ей стражники, ухмыляясь, — тебе следует сходить в сумасшедший дом. Но кто знает, пропустят ли тебя? Вот разве если ты ненормальная...

Кошка Хромоножка долго раздумывала, прикинуться ли ей помешанной или постараться проникнуть в сумасшедший дом другим путём.

— Лапки мои, выручайте меня, — решила она наконец. — Теперь вас четыре, и вам будет легче карабкаться по стенам.

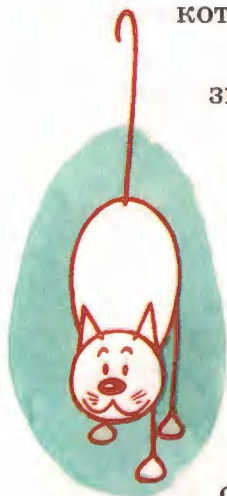
Сумасшедший дом находился в мрачном массивном, как крепость, здании, которое было окружено рвом, наполненным водой. Кошке Хромоножке пришлось примириться с купанием. Она нырнула в воду, переплыла ров, вскарабкалась по стене и шмыгнула в первое открытое окно, оказавшееся кухонным. Повара и прислуга — все отправились на боковую, кроме одного мальчишки, который мыл пол. Увидев кошку, он завопил:

— Брысь! Пошла прочь, дрянь этакая! Впредь знай, что здесь не бывает объедков!

И он был прав — бедняга всегда был так голоден, что поедал все кухонные отбросы, вплоть до последней рыбьей кости. Прогоняя кошку, чтобы она не стащила у него последний кусок, он второпях открыл дверь, которая выходила в длинный коридор. По обеим сторонам его бескончаемо тянулись палаты умалишённых, или, вернее, заключённых. Сумасшедшими они не были, и вся их вина заключалась в том, что однажды они осмелились сказать правду, и, на их беду, это услышали стражники Джакомона.

Некоторые палаты были отделены от коридора лишь крепкой решёткой. Другие были заперты массивными железными дверями, в которых открывалось маленькое окошечко, чтобы подавать пищу.

В одной из таких палат Кошка Хромоножка увидела котят тётушки Кукурузы и, к своему большому удивлению, доброго Барбоса. Они спали, положив друг другу

голову на хвост, и кто знает, какие прекрасные сны они видели. У Кошки Хромоножки не хватило смелости их разбудить, ведь сейчас она всё равно не могла ничем им помочь. В ту же палату, как вы знаете, поместили и Калимера Векселя, который как раз не спал и, едва увидев нашу Хромоножку, начал её упрашивать:

— Сестричка, принеси мне мышку, ведь ты на свободе! Только одного мышонка! Вот уже столько времени, как в мои когти ни один не попадался.

«Вот это действительно сумасшедший», — подумала Хромоножка, которая не знала Калимера.

В конце коридора находилась общая палата, в которой спали по крайней мере сто человек. Среди них были тётушка Кукуруза и Ромолетта. Если бы горел свет, Кошка Хромоножка, вероятно, смогла бы их увидеть и узнать. А тётушка Кукуруза, если бы не спала, вероятно, по своей старой привычке схватила бы Кошку Хромоножку за хвост. Но свет был погашен, и все заключённые крепко спали, включая Ромолетту. Хромоножка прошла на цыпочках через всю комнату и очутилась на лестнице, которая вела на верхний этаж. После долгих поисков она наконец нашла камеру, в которой был заключён Бананито.

Художник крепко спал, положив руки под голову, и во сне он продолжал видеть изумительные картины, которые в будущем нарисует. Вдруг на одной из них образовалась пустота. Посреди чудесного букета цветов перед Бананито появилась голова кошки, которая мяукала, совсем как Кошка Хромоножка. Бананито проснулся и, бросив взгляд на дверь, понял, что он всё ещё находится в сумасшедшем доме. Но окошечко в двери — «кормушка» — было открыто, и в маленьком отверстии показалась голова Хромоножки, которая продолжала мяукать уже наяву.

— Бананито, Бананито! Ну и здоров же ты спать!

— Вы только поглядите! Даю голову на отсечение, если это не усы Кошки Хромоножки!

— Проснись же, тебе говорят! Это я, Хромоножка, да ещё с той лапой, которую ты мне подарил, и, надо сказать, действует она на славу.

И, говоря это, кошка вся сжалась, чтобы пролезть через окошко, прыгнула в палату и, подбежав к Бананито, лизнула ему руку.

— Я пришла, чтобы помочь тебе.

— Благодарю тебя, но как?

— Я ещё не знаю. Ну, ведь можно выкрасть ключи у стражников.

— Они могут проснуться.

— Тогда постараюсь прогрызть дверь и помогу тебе выйти отсюда.

— Да, будь в твоём распоряжении лет десять, может быть, тебе и удалось бы прогрызть дырку в железной двери. Однако я знаю, что мне нужно сейчас.

— Что же?

— Напильник. Найди напильник, а уж об остальном я позабочусь.

— Тогда побегу раздобывать его.

— Дело было бы куда проще, — сказал Бананито, — если бы я смог нарисовать напильник, но эти разбойники не оставили мне даже огрызок карандаша.

— Ну, если только за этим дело стало, — воскликнула Хромоножка, — тогда вот мои лапы! Не забывай, что у меня три нарисованы мелом, а четвёртая масляной краской.

— Да, но они сотрутся.

Хромоножка не хотела слушать никаких доводов.

— Потом ты мне всегда сможешь нарисовать другие.

— А как спуститься из окна?

— Нарисуешь парашют.

— А перебраться через ров с водой?

— Нарисуешь лодку.

Когда Бананито кончил рисовать всё необходимое для побега, от лапы Кошки Хромоножки остался совершенно непригодный малюсенький огрызок, как будто ей произвели ампутацию.

— Видишь — Хромоножка, — как хорошо, что я не изменила имя. Хромоножкой я была, хромоножкой навек останусь.

— Я тебе сейчас же нарисую другую лапу, — предложил Бананито.

— У нас нет времени. Пойдём скорее, пока не проснулась стража.

Бананито принялся работать напильником. К счастью, он нарисовал напильник, который резал железо, как мякоть банана. За несколько минут в двери образовалась широкая брешь, и наши друзья смогли выйти в коридор.

— Давай зайдём и возьмём с собой тётушку Кукурузу и Ромолетту, — предложила Хромоножка, — а заодно захватим и котят.

Но шум разбудил стражу, и она начала обход, чтобы обнаружить виновных.

Бананито и Хромоножка слышали тяжёлые шаги подкованных сапог, которые переходили из одного коридора в другой.

— Постараемся добраться до кухни, — прошептала Хромоножка. — Раз нельзя бежать всем, то спасёмся хотя бы мы двое. На свободе мы принесём больше пользы, чем в неволе.

Но когда они появились на кухне, тот же мальчишка вновь принялся кричать на Хромоножку:

— Ведь я тебя только что прогнал, обжора! Ты что же, хочешь стащить у меня хлеб? Марш отсюда! Вот

окно — и убирайся вон. Если утонешь, туда тебе и дорога.

Он так обозлился, что не обратил внимания на Бананито. Он видел только кошку и боялся лишь её соперничества. Бананито пристегнул парашют, приготовил лодку и взял на руки Хромоножку.

— Пойдём!

— Да, да, убирайтесь прочь, — заворчал мальчишка, — и чтоб ноги вашей больше здесь не было!

Лишь когда Бананито выпрыгнул из окна, мальчишка заподозрил что-то неладное.

«А это ещё кто такой?» — подумал он, почёсывая голову. И, чтобы не нажить себе неприятностей, решил промолчать: он, мол, никого не видел и ничего не слышал. Найдя в куче отбросов капустную кочерыжку, он впился в неё зубами, урча от удовольствия.

Побег Бананито был вскоре обнаружен. Из окна сумасшедшего дома выглядывали стражники и кричали:

— На помощь! Тревога! Сбежал опасный сумасшедший!

Бананито и Хромоножка, согнувшись в лодке в три погибели, гребли руками, чтобы переплыть ров. Но им не удалось бы уйти очень далеко, не поджидай их наготове со своей тележкой Бенвенуто — Не сидящий ни минуты, который разгадал намерения Хромоножки.

— Скорей, прячьтесь сюда! — прошептал старик. Он усадил беглецов на тележку и прикрыл кучей тряпья. Подоспевшим стражникам старик указал рукой в противоположную сторону:

— Вот туда смотрите. Они побежали в ту сторону!

— А ты кто такой?

— Я бедный старьёвщик и остановился здесь передохнуть.

Чтобы показать им, что он действительно устал, старьёвщик присел на ручку тележки и закурил трубку.

Бедняга Бенвенуто! Ведь он-то хорошо знал, что если будет сидеть, у него появятся лишние седые волосы, и кто знает, сколько лет жизни он потеряет за эти несколько минут. Но такой уж был Бенвенуто.

«Годы, которые я теряю, — думал он, — продлят жизнь кому-нибудь другому. Так свою жизнь я отдаю за жизнь других. Стало быть, жизнь со смертью квиты». И он пустил струю дыма стражникам прямо в лицо.

К несчастью, как раз в это время у Хромоножки защекотало в носу. Дело в том, что лохмотья, в которые она зарылась с головой, были полнѐхоньки пыли. И лишь один носорог мог назвать их ароматными. Хромоножка попробовала зажать нос передними лапами, чтобы не чихнуть, но слишком поздно вспомнила, что спереди у неё осталась одна только лапа. Она чихнула, да так сильно, что поднялось целое облако пыли.

Хромоножка, чтобы не обнаружили художника, предпочла выпрыгнуть из тележки и пуститься наутёк.

— Кто это? — спросили стражники.

— Да собака, — ответил Бенвенуто, — сначала пряталась в тряпье, а теперь вот удирает.

— Если удирает, — сказали стражники, — значит, совесть нечиста. Побежим за ней.

Хромоножка услышала позади себя тяжёлые шаги и крики: «Держи её!»

«Пусть гонятся за мной, — обрадовалась она, — по крайней мере оставят в покое Бенвенуто и художника».

Она помчалась по улицам города, а стражники — вслед за нею, высунув язык. Вот и площадь перед королевским дворцом, а вот и колонна, на которой однажды она спокойно провела ночь.

— Ещё один прыжок, и мы спасены, — молила она свои лапы.

И лапы не ослушались её, проявив даже излишнее усердие. Вместо того чтобы только зацепиться за колонну и вскарабкаться на её верхушку, Хромоножка просто приклеилась к колонне. Она снова стала рисунком, изображающим кошку на трёх лапах. В тот момент это ей даже понравилось, потому что стражники, как потом они сами писали в своём донесении, «остались с носом».

— Куда она исчезла? — спрашивали они друг друга.

— Я видел, как она прыгнула на эту колонну.

— На колонне ничего не видно.

— Видны только какие-то каракули. Смотрите, это какой-то мальчишка нарисовал кошку мелом, украденным в школе.

— Ну её, пойдём! Рисунки — это не наше дело.

А Бенвенуто тем временем катил тележку к дому, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться. Ему пришлось ещё два-три раза присесть на ручку тележки, так как от

усталости он не в силах был двигаться дальше. Одним словом, когда он вышел из дому, ему было ни много ни мало, а лет восемьдесят. А теперь, когда он снова увидел порог своего дома, ему наверняка перевалило за девяносто. Подбородок его касался груди, глаза почти исчезли за глубокими морщинами, а голос звучал глухо, словно шёл из-под земли.

— Бананито, вставай, мы приехали.

Но Бананито его не слышал: он уснул, пригревшись под тряпьем.

ГЛАВА 18

ЗДЕСЬ ВЫ УЗНАЕТЕ, КАК БЕНВЕНУТО
ПРОЖИЛ ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ.

— Ты что здесь делаешь? Со своим тряпьем, что ли, разговариваешь?
За спиной Бенвенуто, который старался разбудить художника, остановился ночной сторож.

— С каким таким тряпьем? — переспросил Бенвенуто, чтобы выиграть время.

— Ну да, ведь я прекрасно слышал, как ты говорил что-то, обращаясь к этой кучке драных чулок. Наверняка ты подсчитывал на них дырки.

— Может быть, и разговаривал, но сам даже не заметил, — пробормотал Бенвенуто. — Знаете, я так утомился. Бродишь целый день, толкая тележку. А в мои годы это тяжело...

— Так отдохните, если вы устали, — сказал с сочувствием сторож. — Кто же в такое время будет продавать тряпье?

— Я присяду сейчас, — сказал Бенвенуто, снова устраиваясь на ручке тележки.

— Если вы позволите, — сказал сторож, — мне бы тоже хотелось присесть на минутку.

— Устраивайтесь, вот ещё одна ручка.

— Спасибо. Знаете, тоже устаёшь, работая по ночам сторожем. И ведь подумать только, что я мечтал стать пианистом. Играешь всё время сидя, живёшь среди хорошей музыки. Я даже написал об этом в школьном сочинении. Тема сочинения была: «Кем вы станете, когда будете взрослым?» Я и написал: «Когда я вырасту, то стану пианистом, буду ездить по всем странам, давая концерты, мне будут много аплодировать, и я стану знаменитым». Но я не нажил себе славы даже среди воров. Мне ещё не удалось поймать ни одного вора. Кстати, вы случайно не жулик, а?

Бенвенуто успокоил его, покачав головой. Ему так хотелось сказать что-нибудь утешительное этому ночному сторожу с его несчастной судьбой, но сил у него больше не было.

Бенвенуто чувствовал, что с каждой минутой жизнь покидала его, но ему ничего другого не оставалось, как молча слушать.

А ночной сторож, вздыхая, долго ещё продолжал рассказывать о своей работе, о пианино, которого у него никогда в жизни не было, о своих детях.

— Самому старшему десять лет, — рассказывал он. — Вчера он тоже написал в школе хорошее сочинение. Учителя всегда задают сочинение на одну и ту же тему: «Кем ты будешь, когда станешь взрослым». Мой сын написал: «Я стану лётчиком и полечу на спутнике на Луну». Я ему желаю этого от всей души, но года через два мне придётся послать его работать. Ведь моего жалованья не хватает, чтобы прокормить семью. Правда, трудно поверить, что он станет исследователем космоса?

Бенвенуто отрицательно покачал головой. Он хотел этим сказать, что надо верить, что нет ничего на свете невозможного и никогда не следует терять надежду на осуществление своей мечты. Но сторож не заметил его кивка. Он посмотрел на Бенвенуто, и ему показалось, что тот спит.

— Бедный старик, — прошептал он, — действительно, он устал. Ну что же, продолжим наш обход.

Сторож удалился на цыпочках, стараясь не шуметь, а Бенвенуто продолжал сидеть, не двигаясь с места. У него не хватало сил, чтобы подняться.

— Подожду вот так, — тихо вздыхал он, — посижу немного. Я сделал всё, что мог. Бананито теперь в безопасности. А бедняге сторожу я дал излить со мной свою душу.

Мысли его путались и куда-то удалялись. Ему послышалось, как издали доносится пение, будто пели колыбельную песню.

Но скоро он уже больше и её не слышал.

Эта колыбельная песня, друзья мои, не приснилась Бенвенуто. Случилось то, что Джельсомино во сне принялся, по своему обыкновению, напевать. Его голос, прокатившись по лестнице, зазвучал в переулке и разбудил Бананито.

— Бенвенуто! — позвал он, высунув нос из кучи тряпья, которым был укрыт. — Бенвенуто, где мы? Что случилось?

Но Бенвенуто уже не мог ему больше ничего ответить.

Художник спрыгнул с тележки и раза два потряс старика. Рука бедняги была холодна как лёд. А из дома продолжал доноситься чарующий голос Джельсомино. Ласковая колыбельная кружилась в воздухе, наполняя весь переулок.

Бананито взбежал наверх в дом, разбудил Джельсомино, и они оба вышли на улицу.

— Он умер! — воскликнул Джельсомино.

— Умер по нашей вине, истратив последние свои силы на нас, пока мы спокойно спали, ни о чём не думая.

В конце переулка показался всё тот же ночной сторож.

— Внесём его в дом, — прошептал Джельсомино, но обошёлся без помощи художника. Бенвенуто стал лёгкий, как ребёнок, и Джельсомино почти без усилий, не чувствуя веса, отнёс его на руках в дом.

Сторож подошёл и остановился, уставившись на оставленную тележку с тряпьем.

— Старый тряпичник, вероятно, здесь живёт, — сказал он. — Надо бы оштрафовать его за то, что он оставил тележку посреди дороги. Но он был хороший старик. Сделаю вид, что я не проходил по этому переулку.

Бедный Бенвенуто, в его доме не нашлось даже топчана, чтобы тело положить. Пришлось класть покойника на пол, пристроив под голову простую подушку.

Похоронили Бенвенуто два дня спустя после тех событий, о которых вы ещё ничего не знаете и о которых вы прочтёте в следующих главах. Присутствовали тысячи людей, но никто не произнёс речь, хотя каждый из них мог выступить и рассказать о добрых делах старьёвщика.

И как раз на этих похоронах впервые в жизни Джельсомино запел, не разбив ничего. Голос его был сильный, как и прежде, но он звучал более нежно, и все, кто его слушал, почувствовали, что становятся добрее.

Но до этого, как я уже вам сказал, произошло ещё много событий. Прежде всего Джельсомино и художник заметили отсутствие Кошки Хромоножки. Во время суматохи этих печальных дней они не обратили на это внимания.

— Она была со мной в тележке, — сказал Бананито. — Конечно, в куче тряпья я не мог её заметить. Но представь себе, я даже слышал, как она вдруг чихнула.

— Наверное, она попала в какую-нибудь беду, — ответил Джельсомино.

— А может быть, она вернулась в сумасшедший дом, чтобы освободить тётушку Кукурузу и Ромолетту?

— Все что-то делают, — произнёс с укоризной Джельсомино, — один только я болтаюсь без дела и способен лишь разбивать люстры да пугать людей.

Никто ещё никогда не видел его в таком отчаянии. Однако именно в этот момент его осенила замечательная идея, блестящая, как звезда первой величины.

— Ну нет! — воскликнул он вдруг. — Мы ещё посмотрим, на что я способен!

— Ты куда? — спросил Бананито, увидев, как тот поднялся и надел пиджак.

— Теперь моя очередь, — ответил Джельсомино. — Не выходи из дому, тебя разыскивает полиция. Ты обо мне ещё услышишь. О, это будут необыкновенные новости!

ГЛАВА 19

**ДЖЕЛЬСОМИНО ЗАПЕЛ В ПОЛНУЮ СИЛУ,
И ЛОЖЬ В СТРАНЕ КАК УРАГАНОМ СМЫЛО.**

После суматохи, вызванной бегством Бананито, в сумасшедшем доме снова водворились тишина и спокойствие. В палатах, камерах, коридорах все спали. Бодрствовал один только несчастный кухонный мальчишка. Ему почти никогда не удавалось заснуть, потому что он постоянно был голоден и ночи напролёт копался в отбросах в поисках чего-нибудь съедобного. Бананито и те, кто бросился за художником в погоню, его мало интересовали.

Но сейчас его внимание привлёк странный парень, по правде говоря, не очень высокий, а скорее низкорослый, который, встав посреди площади, как раз напротив сумасшедшего дома, выводил рулады.

Кухонный мальчишка ел картофельные очистки и, поглядывая на него, качал головой.

— Этот и вправду рехнулся. Где это видано, чтобы петь серенады не прекрасным девушкам, а под окнами сумасшедшего дома? Впрочем, это его дело. Однако какой сильный голос! Бьюсь об заклад, что сейчас его схватят полицейские.

Но полицейские, устав после тщетной погони за Кошкой Хромоножкой, спали как убитые.

Джельсомино, который начал петь вполголоса, чтобы проверить голосовые связки, пел теперь всё громче и громче.

Кухонный мальчишка разинул рот, забыв про свои очистки.

— Странное дело, слушая его, почти забываешь про голод.

В этот момент стекло в окне, в которое он смотрел, вдребезги разбилось, и один из осколков чуть не врезался ему в нос.

— Эй, кто там бросается камнями?

И сразу же в разных местах огромного мрачного здания на всех этажах стали одно за другим вылетать стёкла. Стражники забегали по всем палатам и камерам, думая, что заключённые взбунтовались. Но им пришлось быстро изменить своё мнение. Действительно, заключённые все проснулись, но они казались спокойными и наслаждались пением Джельсомино.

— Кто это здесь бьёт стёкла? — закричали стражники.

— Тише вы! — слышалось в ответ со всех сторон. — Дайте послушать песню. Какое нам дело до стёкол? Наши они, что ли?

Затем стали разламываться на куски и решётки на окнах: железные прутья ломались, как спички, отрывались от оконных рам и падали в ров, где, с силой плюхнувшись в воду, шли ко дну.

Когда директор сумасшедшего дома узнал об этом происшествии, его бросило в дрожь.

— Это от холода, — объяснил он своим секретарям, а сам втихомолку подумал: «Началось землетрясение».

Он вызвал свою машину и, сказав, что едет сообщить обо всём министру, удрал на свою загородную дачу, оставив сумасшедший дом на произвол судьбы.

«Какой там министр, — думали секретари, вне себя от злости, — он просто смылся, а министр — одна отговорка. А мы что же, должны погибать, как мыши в мышеловке? Как бы не так!»

Один за другим — кто в машине, кто пешком — они так быстро скрывались, пробежав через подъёмный мост, что стоявшие у ворот часовые не заметили, как их след простыл.

Занималась заря. По крышам домов уже скользил бледный луч света. Для Джельсомино это послужило как бы сигналом, который говорил ему: «Пой громче!»

Если бы вы тогда его слышали! Голос его вырывался наружу с такой силой, как вырывается огненная лава из кратера вулкана. Все деревянные двери в сумасшедшем доме разлетелись в щепки, а железные настолько погнулись, что уже не походили больше на двери, и все, кто находился за ними взаперти, выбежали в коридор, прыгая от радости.

Стражники, надсмотрщики, санитары бросились один за другим к выходу и, перебежав через подъёмный мост, выскочили на площадь. Все вдруг вспомнили, что у них важные дела в городе.

— Мне нужно помыть мою собаку, — говорил один.

— Меня пригласили провести несколько дней у моря, — говорил другой.

— Я забыл переменить воду красным рыбкам, как бы они не подошли.

Они так привыкли лгать, что не могли просто сознаться в том, что их обуял страх.

Одним словом, из всего обслуживающего персонала за несколько минут в сумасшедшем доме не осталось никого, кроме несчастного кухонного мальчишки. Держа в руке свою кочерыжку, он стоял, разинув рот от удивления, потому что ему совсем не хотелось есть, и впервые в своей жизни он почувствовал, как, подобно свежему ветру, в голове у него пронеслись заманчивые мысли.

Ромолетта первая из всей палаты заметила, что все надсмотрщики сбежали.

— Что же мы будем делать? Бежим и мы! — сказала она тётушке Кукурузе.

— Это противоречит правилам, — ответила тётушка Кукуруза. — Но, с другой стороны, правила ведь противоречат нам. Ну что же, идём.

Взявшись за руки, они направились к выходу на лестницу, по которой уже спускались вниз сломя голову

толпы людей. Неразбериха была страшная, но тётушка Кукуруза среди тысячи других голосов сразу же узнала голоса своих котят. Впрочем, и они, семь маленьких учеников Кошки Хромоножки, немедленно признали среди множества людей высоко поднятую голову и строгое лицо своей защитницы. Замяукав, они тут же бросились к тётушке на шею, облепив её со всех сторон.

— Ну вот, сейчас вернёмся к себе домой, — говорила тётушка Кукуруза со слезами на глазах. — Один, два, три, четыре... Все в сборе? Семь, восемь! Один даже лишний.

Конечно, это был добрый Барбос. На руках у тётушки Кукурузы хватило места и для него.

Джельсомино прекратил своё пение и у всех, кто выходил, спрашивал, не видели ли они Кошку Хромоножку. Но никто не мог ему вразумительно ответить. Тогда он просто потерял терпение.

— Остался ли кто-нибудь там внутри? — крикнул он.

— Никто, ни души, — послышался ответ.

— Ну, тогда смотрите.

Он набрал полную грудь воздуха, как это делают водолазы, когда погружаются в воду, сложил руки рупором и приставил их ко рту, чтобы не сомневаться, что весь звук пойдёт в одном направлении, издал пронзительный крик. Будь на Марсе и на Венере жители, обладающие слухом, то и они, вероятно, его услышали бы. Достаточно вам сказать, что здание пошатнулось, словно пронёсся циклон. Черепицу с крыши и печные трубы смело, как пылинки. Затем, начиная с верхнего этажа, стены накренились, задрожали и со страшным грохотом рухнули вниз, заполняя ров и разбрызгивая воду во все стороны.

Всё это длилось одну минуту. Это хорошо знает кухонный мальчишка, который, оставшись внутри даже

после бегства заключённых, едва успел выброситься из своего окна, переплыть двумя взмахами руки ров и очутиться на площади, прежде чем за его спиной рухнуло всё здание.

По всей площади разнеслось «ура!», и как раз в этот момент взошло солнце, хотя никто не догадался сбегать за ним и позвать: «Поторапливайся, иначе упустишь это зрелище».

Люди на площади подхватили на руки Джельсомино и с триумфом понесли его, а журналисты не успели обратиться к нему и спросить, каковы его впечатления. Им пришлось довольствоваться интервью с Калимером Векселем, который с мрачным видом стоял в стороне.

— Вы ничего не хотели бы сообщить газете «Образцовый лжец»? — спросили у него.

— Мяу, — ответил Калимер, поворачиваясь к ним спиной.

— Отлично, — сказали журналисты. — Вы один из очевидцев. Не могли бы вы нам объяснить, почему ничего не случилось?

— Мяу, — ещё раз промяукал Калимер.

— Прекрасно! Мы опровергаем самым решительным образом, что якобы сумасшедший дом развалился, а умалишённые разбежались по городу.

— Да поймите вы, — вырвалось вдруг у Калимера, — поймите же вы наконец, что я кошка!

— Вы хотите сказать, собака, раз уж мяукаете?

— Нет, нет, кошка! Я кошка и ловлю мышей. Ладно, ладно, теперь я вас разглядел как следует. Вы можете прятаться сколько вам угодно, но от моих когтей не уйдёте! Вы мыши и сейчас попадёте мне в лапы. Мяу! Мяу!

Тут Калимер сделал прыжок. Журналисты едва успели спрятать в карманы шариковые ручки и вскочить

в свои автомобили. Калимер упал на землю и, отчаянно мяукая, пролежал так весь остаток дня, пока один сострадательный прохожий не поднял его и не отвёл в больницу.

Час спустя вышел экстренный выпуск «Образцового лжеца». Во всю первую страницу огромными буквами был напечатан заголовок, который гласил:

**НОВАЯ НЕУДАЧА ТЕНОРА ДЖЕЛЬСОМИНО:
СВОИМ ПЕНИЕМ ЕМУ
НЕ УДАЛОСЬ РАЗРУШИТЬ
СУМАСШЕДШИЙ ДОМ**

Мяу!

Редактор газеты потирал руки от удовольствия:

— Опровержение получилось на славу. Сегодня я продам по крайней мере сто тысяч экземпляров.

Но вскоре разносчики газеты «Образцовый лжец» вернулись с кипой нераспроданных газет в руках. Никто не захотел купить ни одного номера.

— Как?! — закричал редактор. — Так-таки ни одной газеты? Что же, люди календарь, что ли, читают?

— Нет, синьор редактор, — ответил ему самый смелый разносчик. — Календарь тоже никто больше не читает. Как, по-вашему, можно читать календарь, если в нём декабрь месяц называется августом? Неужели люди будут чувствовать тепло только оттого, что изменили название месяца? Большие события происходят, синьор редактор. Люди смеются

нам в лицо и советуют из нашей газеты делать бумажные кораблики.

В этот момент в кабинет редактора вбежала его собака, которая сделала самостоятельную вылазку в город.

— Кис-кис! — машинально позвал её хозяин.

— Гав-гав! — ответила собака.

— Что такое? Ты лаешь?

Вместо ответа пёс завилял хвостом от радости и ещё пуще залаял.

— Но ведь это конец света! — воскликнул редактор, вытирая пот со лба. — Настоящий конец света!

Но это был лишь конец лжи. После разрушения сумасшедшего дома на свободе разом оказались сотни людей, которые говорили правду, не считая собак, которые лаяли, кошек, которые мяукали, лошадей, которые ржали, как этого требуют правила зоологии и грамматики. Правда распространялась, словно эпидемия, и уже большинство населения было ею заражено. Владельцы магазинов принялись уже менять этикетки на своих товарах.

Один булочник сорвал свою вывеску с надписью: «Канцелярские товары», перевернул её и кусочком угля написал на ней: «Хлеб». Немедленно перед его магазином собралась большая толпа и начала аплодировать.

Но ещё более многочисленная толпа оказалась на большой площади перед королевским дворцом. Во главе её был Джельсомино. Он пел, и на его голос сбегались люди со всех кварталов города и даже из ближайших деревень.

Из окна своей комнаты Джакомон видел это многолюдное шествие и от радости захлопал в ладоши.

— Скорей сюда! — закричал он, зовя придворных. — Скорее! Мой народ хочет, чтобы я произнёс речь. Посмотрите, вон они все собрались, чтобы поздравить меня с праздником.

— Разве сегодня праздник? — спрашивали друг у друга придворные.

Вам покажется странным, но они не знали ещё, что произошло. Шпионы, вместо того чтобы броситься во дворец и обо всём доложить, бросились на поиски укромного местечка для себя.

Во дворце короля Джакомона кошки продолжали лаять. Это были последние несчастные кошки во всём королевстве.

ГЛАВА 20

ОТ КОРОЛЕВСТВА ДЖАКОМОНА
ОСТАЛАСЬ ЛИШЬ ОДНА КОЛОННА.

Как вам известно, книга судеб не существует на свете. Нет такой книги, в которой были бы предсказаны все грядущие события. Для того чтобы написать её, следовало бы быть по крайней мере главным редактором «Образцового лжеца».

Одним словом, такой книги нет и не было даже во времена короля Джакомона.

А жаль! Если бы такая книга существовала, то бедный король в парике мог бы заглянуть в неё и прочитать в точно означенный день следующую запись: «Сегодня Джакомон не произнесёт речь».

И действительно, в то время пока он с нетерпением ожидал, когда слуги распахнут перед ним застеклённые двери, чтобы появиться на балконе, голос Джельсомино начал делать своё дело: стеклянные двери разбились, и осколки дождём посыпались на пол.

— Будьте осторожней! — крикнул Джакомон своим слугам.

«Дзинь-н-нь!..» — раздалось в ответ из его комнаты.

— Это зеркало! — закричал Джакомон. — Кто разбил моё зеркало?!

Его величество оглянулся с удивлением: почему ему никто не отвечает? Но — увы! — за его спиной было пусто. Министры, адмиралы, камергеры и все придворные по первому же сигналу — а именно после первой же высокой ноты, взятой Джельсомино, — кинулись в свои комнаты переодеваться. Они без лишних слов стали швырять прямо на пол роскошные одеяния, которые носили в течение стольких лет, вытаскивали из-под кроватей старые чемоданы с пиратской одеждой, бормоча при этом:

— Если не надевать чёрной повязки на глаз, смогу вполне сойти за дворника.

— Пожалуй, если снять с рукава якорь, никто меня не узнает.

С Джакомоном остались лишь двое слуг, которые были обязаны открывать и закрывать стеклянные двери,

выходящие на балкон. Даже теперь, когда двери погнулись, а стёкла повывлетели, они почтительно держались за дверные ручки и время от времени начищали их кружевами своих манжет.

— Ступайте и вы, — вздохнул Джакомон. — Теперь всё рушится вокруг меня. Джельсомино в этот день распелся не на шутку.

Слуги не заставили себя долго просить: пятась задом и низко кланяясь через каждые три шага, они добрались до двери, выходящей на лестницу, повернулись, словно по команде, и, чтобы скорее очутиться внизу, съехали по перилам.

Джакомон направился в свою комнату, снял королевское платье и надел костюм простого горожанина, который купил для того, чтобы незамеченным бродить по городу (впрочем, он так ни разу до этого дня и не воспользовался этим костюмом, предпочитая посылать в город своих шпионов). Это был коричневый костюм, который подошёл бы кассиру из банка или профессору философии. А как шёл к нему оранжевый парик! К сожалению, его тоже пришлось снять, ведь он был повсюду известен больше, чем королевская корона.

— Ах, мой прекрасный парик! — вздохнул Джакомон. — Вернее, мои прекрасные парики!

Он открыл знаменитый шкаф, и перед его взором предстали ряды париков, похожие на головы марионеток, приготовленных к очередному спектаклю. Джакомон не смог устоять перед таким искушением: он схватил дюжину париков и засунул их в чемодан.

— Я увезу их с собой. В изгнании они помогут мне вспоминать об этих счастливых днях.

Он спустился вниз по лестнице, но не в подвал, как это сделали его придворные, которые, словно мыши, удирали из дворца по канализационным трубам. Джакомон

предпочёл выйти в свой чудесный сад. Вернее сказать, его сад в прошлом. Сад по-прежнему был прекрасен, весь зелёный и благоухающий.

Джакомон вдохнул ещё раз воздух королевского сада, потом открыл маленькую дверцу, выходящую в переулок. Убедившись, что его никто не заметил, прошёл шагов сто и очутился на площади в толпе людей, неистово аплодировавших Джельсомино.

Лысая голова и коричневый костюм совершенно преобразили Джакомона. К тому же в руке у него был чемодан, и это делало его похожим на коммивояжера.

— Вы небось приезжий, — неожиданно спросил его кто-то, дружески похлопав по плечу. — Идите слушать вместе с нами концерт тенора Джельсомино. Вот он, поглядите. Тот парнишка, похожий на велогонщика. С виду он и гроша ломаного не стоит, а слышите, какой у него голос?

— Слышу, слышу, — пробормотал Джакомон. И про себя добавил: «И вижу...»

Да, он увидел, как его любимый балкон развалился на куски, увидел то, что вы себе уже представляете, — дворец рухнул как карточный домик, которому надоело стоять, и целое облако пыли поднялось к небу. Джельсомино взял ещё одну высокую ноту, чтобы разогнать пыль, и все увидели на месте дворца лишь груды развалин.

— Кстати, — снова обратился к Джакомону его сосед, — вы знаете, что у вас великолепная лысина? Пожалуйста, не обижайтесь, что я вам это говорю. Полубуйтесь на мою.

Джакомон провёл рукой по голове, потом посмотрел, как ему было предложено, на лысую голову своего соседа, круглую и гладкую, как шарик для игры в пинг-понг.

— У вас в самом деле красивая лысина, — сказал Джакомон.

— Да что вы, самая обыкновенная! Вот у вас — это действительно просто блеск. К тому же сейчас, когда её освещает солнце, она так изумительно сияет, что больно глазам, когда смотришь на неё.

— Ах, оставьте, вы слишком добры ко мне, — пробормотал Джакомон.

— Уверю вас, я не преувеличиваю! Знаете, что я вам скажу? Если бы вы стали членом Клуба лысых, вас немедленно избрали бы президентом.

— Президентом?

— Да, и единогласно.

— А у вас есть Клуб лысых?

— Разумеется. До вчерашнего дня он был тайным, но теперь будет открыто существовать. Члены его — лучшие люди нашего города. И вы знаете, в него трудноვა-
то вступить. Требуется доказать, что у вас не осталось на голове ни одного волоса. Некоторые, чтобы быть приня-
тыми в наш клуб, даже волосы себе вырывают.

— И вы говорите, что я...

— Готов биться об заклад, что вы могли бы стать нашим президентом.

Джакомон почувствовал, что ещё минута — и он совсем растрогается. «Как я ошибся, — подумал он. — Ошибся, избирая свой жизненный путь. Но теперь уже слишком поздно, чтобы сызнова начинать».

Воспользовавшись движением в толпе, он скрылся от своего говорливого собеседника, покинул площадь и пошёл по пустынным улицам. Двенадцать париков уныло шуршали в его чемодане. Несколько раз он замечал, как из канализационных люков выглядывали головы, которые как будто он уже видел раньше. Не его ли это пираты? Но головы сразу исчезали при виде этого солидного лысого гражданина в коричневом костюме.

Решив свести счёты с жизнью, Джакомон направился прямо к реке. Но, придя на берег, он передумал. Открыв чемодан, он достал парики и один за другим побросал их в воду.

— Прощайте, — прошептал им Джакомон. — Прощайте, маленькие врунишки!

Но парики не погибли. В тот же день их изловили мальчишки, которые разбойничали на реке не хуже крокодилов. Мальчишки высушили парики на солнце, нацепили их на головы и устроили весёлое шествие. Они смеялись и пели, не подозревая, что это были похороны королевства Джакомона.

В то время как Джакомон уходил навсегда — и, надо сказать, ему здорово повезло, что он может уйти хоть куда-то, где ему удастся стать президентом или по крайней мере секретарём почтенного Клуба лысых, — мы с вами заглянем ещё разок на площадь.

Джельсомино, окончив свою грозную песню, вытер пот со лба:

— Ну вот, и с этим делом покончено.

Но сердце у него щемило, словно в нём засела заноза. Кошка Хромоножка так и не нашлась.

— Куда она могла запропасться? — спрашивал себя наш герой. — Уж не осталась ли она под развалинами сумасшедшего дома? Ведь я умею основательно всё разрушать.

Однако толпа не дала ему слишком долго горевать.

— Колонну, — кричали ему со всех сторон, — нужно свалить колонну!

— А зачем?

— Ведь на ней изображены походы и подвиги короля Джакомона. Это тоже сплошная ложь. Джакомон никогда и носа не показывал дальше своего дворца.

— Хорошо, — сказал Джельсомино, — я спою колонне такую серенаду, что ей не поздоровится. Только отойдите все подальше, не то вас задавит.

Люди, стоявшие возле колонны, поспешно отошли, — вся толпа на площади заколыхалась, как волны на море при ветре. И тут наконец Джельсомино увидел на колонне, метрах в двух от земли, хорошо знакомое ему изображение кошки на трёх лапах.

— Хромоножка! — воскликнул он, и на сердце у него сразу стало легче.

Рисунок вздрогнул, контуры его искривились, но потом снова наступило успокоение.

— Хромоножка! — позвал Джельсомино ещё громче. На этот раз голос проник в мрамор, преодолев его сопротивление. Кошка Хромоножка отделилась от колонны и прыгнула на землю, прихрамывая.

— Как я рада, как я рада! — мяукала она, целуя Джельсомино в щёку. — Если бы не ты, я так и осталась бы здесь, на этой колонне, и дожди в конце концов смыли бы меня. Всем известно, что я люблю чистоту, но мне вовсе не хотелось бы умереть от излишнего мытья.

— А я на что? — раздался тут возглас Бананито, который, действуя локтями и пинками, пробрался наконец к своим и нашим общим друзьям. — Если с тобой случится такая беда, я снова нарисую тебя, и ты будешь ещё красивее и ещё правдоподобней, чем раньше.

Троим друзьям, которые только что встретились, ведь столько нужно порассказать друг другу, поэтому оставим лучше их в покое.

А колонна?

Да кому, собственно, может мешать колонна? Изображённая на ней ложь будет напоминать людям о том времени, когда страной правил беззастенчивый лгун, и достаточно было одной хорошо спетой песни, чтобы рухнуло всё его королевство.

ГЛАВА 21

ЧТОБ НЕ БЫЛО СПОРОВ У ВОРОТ,
ДЖЕЛЬСОМИНО СРАВНИВАЕТ СЧЁТ.

Наша история будет совсем закончена, когда вы узнаете содержание тех листков, которые я забыл в кармане, торопясь дописать двадцатую главу. Это последние листки заметок, сделанных мною в тот день, когда Джельсомино рассказал мне о своих приключениях в Стране лжецов. Вот я вижу, на одном из них записано, что о дальнейшей судьбе Джакомона ничего не известно. Поэтому я не могу вам сказать, стал ли он порядочным человеком или его пиратские ноги снова вывели его на плохую дорогу.

На другом листке записано, что хотя Джельсомино вообще-то был очень доволен тем, что он сделал, однако каждый раз, проходя по площади, чувствовал какую-то неловкость, словно человек, которому в ботинок попал камешек.

— Нужно ли было разрушать королевский дворец и превращать его в груды развалин? — упрекал он себя. — Джакомон всё равно удрал бы, даже если бы я ограничился лишь тем, что разбил во дворце стёкла. Достаточно было потом позвать стекольщика, и всё снова пришло бы в порядок.

О том, чтобы избавить Джельсомино от этого мучившего его «камешка», позаботился Бананито: он восстановил дворец на свой лад, пустив в ход несколько листков бумаги и коробку красок.

Он потратил на это полдня и не забыл сделать балкон на верхнем этаже. Когда балкон появился на прежнем месте, жители города попросили Бананито подняться на него и произнести речь.

— Послушайте моего совета, — ответил Бананито, — примите-ка лучше закон, запрещающий произносить речи с этого балкона. И к тому же я ведь художник, а не оратор. Если уж вам так хочется послушать речь, обратитесь к Джельсомино.

В этот момент на балконе появилась Кошка Хромоножка и промяукала:

— Мяу!

Внизу на площади раздались аплодисменты, и уже других речей никто больше не просил.

Вот я вижу, ещё на одном листке записано, что тётушку Кукурузу назначили директором Института для бездомных кошек. Что же, решение вполне разумное — с таким директором вы можете быть уверены, что никто не заставит больше кошек лаять по-собачьи. Ромолетта снова стала ходить в школу, и сегодня она уже, наверное, сидит не за партой, а за учительским столом — за это время она наверняка успела стать учительницей.

И вот, наконец, на самом маленьком листочке я вижу короткую запись: «Война окончилась со счётом 1:1».

Можете представить, я чуть было не забыл рассказать вам про войну!

Случилось это через несколько дней после бегства Джакомона. Потихоньку от своих подданных, рассчитывая на пушки, которые, как он надеялся, нарисует ему Бананито, он объявил войну одному из соседних государств. Но с жителями этого государства шутки плохи — их армия сразу же двинулась в поход, чтобы защитить свою родину.

— Но мы совсем не хотим войны, — говорили новые министры. — Мы не такие, как Джакомон.

Один из журналистов по этому поводу решил получить интервью у Джельсомино, который занимался музыкой, готовясь выступить наконец с настоящим концертом.

— Война? — спросил Джельсомино. — Предложите противнику прекратить её и устроить вместо неё футбольный матч. Может быть, в результате и будут ушибленные коленки, но, во всяком случае, дело обойдётся без большого кровопролития.

К счастью, эта идея понравилась противнику, который, в сущности, тоже не имел никакого желания воевать. Футбольный матч состоялся в ближайшее воскресенье. Джельсомино, разумеется, болел за свою команду и так увлёкся, что не удержался и вдруг заорал: «Давай! Давай!» — отчего мяч сразу влетел в ворота противника, как это было, если помните, уже однажды в его родном селении.

«Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы война кончилась жульнической победой, — сразу же решил про себя Джельсомино. — Здесь идёт игра в футбол, и всякие махинации запрещены правилами игры».

И он тут же забил гол в другие ворота. На его месте вы, вероятно, поступили бы так же.

МЯУ! МЯУ! МУРМЯУ!

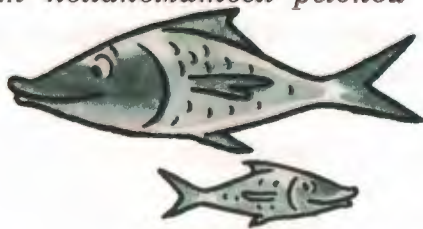
ПЕСЕНКИ ДЖЕЛЬСОМИНО

Это песенки Джельсомино
Автор собрал их воедино.
Есть среди них курьёзные,
Смешные и серьёзные.
Понравятся — берите, так и быть,
А остальные можете забыть.

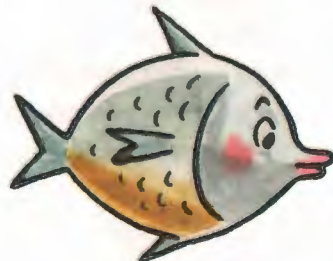
СКОЛЬКО В МОРЕ РЫБ?

*Посвящается Хромоножке,
которая любит полакомиться рыбкой*

Три ливорнских рыболова
Спорят год и спорят снова.
Им не терпится узнать,
Можно ль всех рыб сосчитать?

Первый молвит: «Семь рыб в море».
И проигрывает в споре.
«Тыща их, — кричит второй, —
Мне считать их не впервой!»

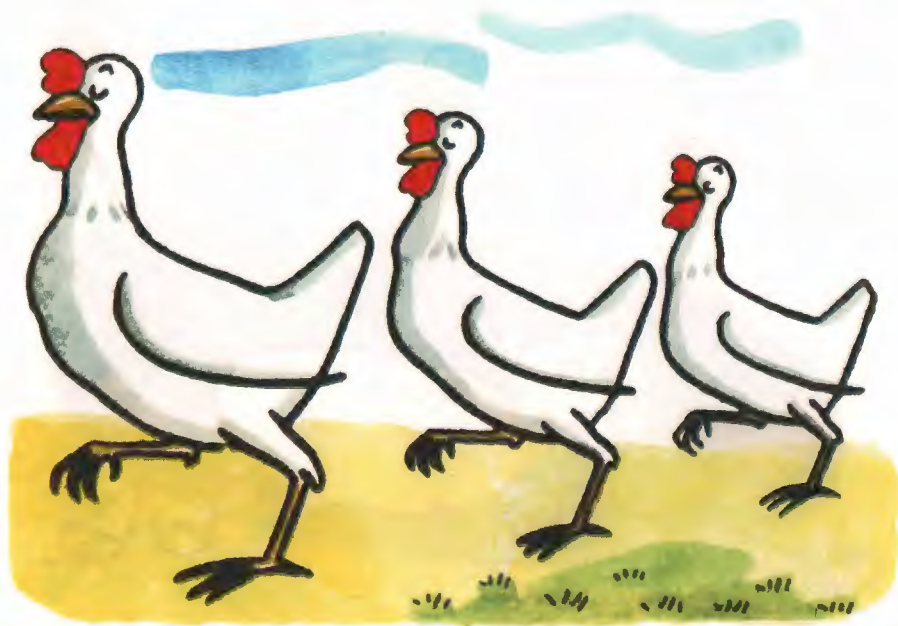
«Их мильон, — считает третий, —
То и дело рвутся сети».
Спорщики отлично знают:
Рыбы в море всем хватает.

СЧИТАЛКА

Посвящается Ромолетте

Раз-два-три-четыре-пять,
Куры вышли погулять.
На базар сперва сходили,
Сушек с маком накупили,
А потом на огород —
Там добра не впрокорот.
Поклевали лук-порей
И отправились скорей
В город, где их научили
Ложь от правды отличать,
Дав себе зарок не врать.

КОШАЧЬЯ ГАЗЕТА

*Посвящается Хромоножке, чтобы успокоить
после чтения газеты «Образцовый лжец»*

У кошек есть своя газета!
Эта весть летит по свету.
Но газета не для чтения —
В ней сплошные объявления:

«Ищу удобное жилище —
Желательно диван без днища
И без детишек-шалунов,
Таскающих за хвост котов».

«Нужна для дома компаньонка,
подруга кошек — старушонка
со справкою из психбольницы,
и счёт от мясника сгодится».

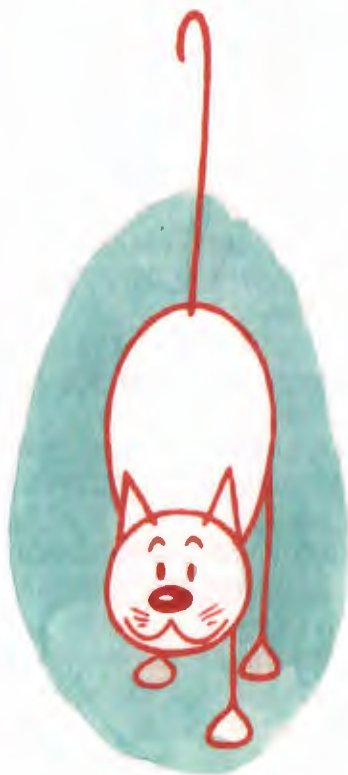

«БРАВЫЙ ОХОТНИК ИЩЕТ МЕСТО,
ГДЕ ЗАМЕШИВАЛ БЫ ТЕСТО».

«Вегетарьянец холостой
Не прочь сойтись
с соломенной вдовой».

И вот теперь по вечерам,
Еду слизавши всю до крошки,
Бездомные в округе кошки
Читают объявления, как роман.

И почитав часок-другой,
Спешат, мяукая, гурьбой
На концерты по ночам,
Спать мешая сторожам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1

СТОИТ ДЖЕЛЬСОМИНО РАСКРЫТЬ РОТ,
КАК МЯЧ ВЛЕТАЕТ В СЕТКУ ВОРОТ..... 3

Глава 2

НА СЕЙ РАЗ ГОЛОС И ГРУШИ В САДУ
ГЕРОЯ НАШЕГО ВВЕРГЛИ В БЕДУ..... 9

Глава 3

ДЖЕЛЬСОМИНО ВСТРЕЧАЕТ КОШКУ
СО СТРАННОЙ КЛИЧКОЙ — ХРОМОНОЖКА..... 14

Глава 4

ЗДЕСЬ МЫ ПРИВОДИМ С КОШКИНЫХ СЛОВ
ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ О СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ..... 23

Глава 5

КОШКА ХРОМОНОЖКА УВИДЕЛА С БАЛКОНА
РЫЖИЙ ПАРИК КОРОЛЯ ДЖАКОМОНА..... 30

Глава 6

ХОХОТ НА ПЛОЩАДИ, КРИКИ «БРАВО!»,
И НАЧАЛАСЬ НА СМУТЬЯНОВ ОБЛАВА..... 37

Глава 7

КОШКА ХРОМОНОЖКА БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ
УЧИТ МЯУКАТЬ ГЛУПЫХ КОТОВ..... 43

Глава 8

БАНАНИТО — МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ,
БРОСИВ КИСТЬ, ХВАТАЕТ НОЖ ОТ СКУКИ..... 52

Глава 9

МАЭСТРО ДОМИСОЛЬ СТАЛ ПЕРВЫМ ПО ПРАВУ,
КТО ПРЕДСКАЗАЛ ДЖЕЛЬСОМИНО СЛАВУ..... 57

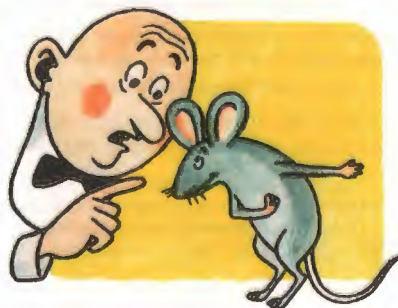
Глава 10

НАШ ГЕРОЙ ЗАПЕЛ СО СЦЕНЫ —
В ТЕАТРЕ РУХНУЛИ ВСЕ СТЕНЫ..... 63

Глава 11

СИЛА ТАЛАНТА И ПРАВДА НУЖНА,
ЧТОБ ОЖИЛ ОБРАЗ, СОЙДЯ С ПОЛОТНА..... 71

Глава 12	
ЧИТАЯ ГАЗЕТУ «ОБРАЗЦОВЫЙ ЛЖЕЦ»,	
КОШКА ХРОМОНОЖКА РАССТРОИЛАСЬ ВКОНЕЦ.....	81
Глава 13	
ЕСТЬ ЗАКОН В СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ:	
КТО НЕ ВРЁТ, ТОТ НЕЗДОРОВ.	87
Глава 14	
О ТОМ, ПОЧЕМУ БЕНВЕНУТО	
НЕ ДОЛЖЕН СИДЕТЬ НИ МИНУТЫ.....	95
Глава 15	
У АРЕСТАНТА АППЕТИТ ВЗЫГРАЛ,	
И ОН ГЛАЗУНЬЮ НАРИСОВАЛ.....	107
Глава 16	
БАНАНИТО МИНИСТРОМ СТАНОВИТСЯ,	
НО ХУДОЖНИКУ НЕ ПОЗДОРОВИТСЯ.....	114
Глава 17	
ЖЕРТВУЯ ЛАПОЙ, КОШКА ХРОМОНОЖКА	
УЗНИКА СПАСАЕТ ЧЕРЕЗ ОКОШКО.....	121
Глава 18	
ЗДЕСЬ ВЫ УЗНАЕТЕ, КАК БЕНВЕНУТО	
ПРОЖИЛ ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ.	129
Глава 19	
ДЖЕЛЬСОМИНО ЗАПЕЛ В ПОЛНУЮ СИЛУ,	
И ЛОЖЬ В СТРАНЕ КАК УРАГАНОМ СМЫЛО.....	134
Глава 20	
ОТ КОРОЛЕВСТВА ДЖАКОМОНА	
ОСТАЛАСЬ ЛИШЬ ОДНА КОЛОННА.....	143
Глава 21	
ЧТОБ НЕ БЫЛО СПОРОВ У ВОРОТ,	
ДЖЕЛЬСОМИНО СРАВНИВАЕТ СЧЁТ.	151

Родари, Джанни.
Р60 Джельсомино в Стране лжецов / Джанни Родари ; пер. с итал. Александра Махова ; ил. Рауля Вердини. — Москва : Эксмо, 2018. — 160 с. : ил.

Приключения мальчика Джельсомино, который обладал волшебным голосом, начались, когда он попал в страну, где было запрещено говорить правду. Кошкам запрещалось мяукать, продукты продавались в магазине канцтоваров, и купить их можно было только на фальшивые монетки, а все новости жители страны узнавали из газеты «Образцовый лжец». Эта сказка Джанни Родари впервые была опубликована в 1959 году с иллюстрациями художника и карикатуриста Рауля Вердини. Именно его рисунки вы видите в этой книге.

Gianni Rodari
Gelsomino nel paese dei bugiardi
© 1980, Maria Ferretti Rodari and Paola Rodari, Italy
© 2008, Edizioni EL S.r.l., Trieste, Italy
УДК 821.131.1-34-053.2
ББК 84(4Ита)-44
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-92732-6

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
әдеби-көркемдік баспа
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

Родари Джанни

ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ

(орыс тілінде)

Художник **Рауль Вердини**
Перевод с итальянского **Александра Махова**
Колоризация **Анатолия Воробьева**

Ответственный редактор **В. Кожедуб**. Дизайн переплета **И. Лапин**
Технический редактор **О. Кистерская**. Корректор **Е. Холявченко**

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1, Т/к: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Тұңғыш әйелсіз, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Тәуар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасындағы дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талымдарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 ен. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 25.01.2018. Формат 72х94^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,53. Тираж 3000 экз. Заказ № 41204.

ISBN 978-5-699-92732-6

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством электронных носителей
в АО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

ДЖАННИ РОДАРИ – итальянский сказочник, известный и любимый детьми и взрослыми во всем мире, и особенно в России. Герои его сказок – друзья многих поколений читателей.

Приключения мальчика Джельсомино, который обладал волшебным голосом, начались, когда он попал в страну, где было запрещено говорить правду. Кошкам запрещалось мяукать, продукты продавались в магазине канцтоваров, и купить их можно было только на фальшивые монетки. А все новости жители страны узнавали из газеты «Образцовый лжец».

Книга была опубликована в 1959 году с иллюстрациями художника и карикатуриста Рауля Вердини. Именно он первым нарисовал персонажей Джанни Родари. Вы держите в руках переиздание той самой книжки!

